

ТАМБОВСКІЯ
ЕЩАРХІАЛЬНЫЯ ВЪДОМОСТИ.

ИЗДАНИЕ ЕЖЕНЕДЪЛЬНОЕ.

№ 32-й.

6-го Августа 1905 года.

ТАМБОВЪ.

Типо-литографія Губернскаго Правленія.

ТАМБОВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ



№ 32.

6 АВГУСТА
1905 ГОДА.

Выходятъ еже-
недѣльно по суббо-
тамъ. Подписка при-
нимается въ редак-
цію, при духовной
Семинарии.

Годовая цѣна съ
пересылкою и до-
ставкою 6 р. 25 к.
Подписка на время
менѣе года и про-
дажа отдѣльныхъ
номеровъ не допу-
скаются.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Указы Его Императорскаго Величества, Самодержца Всерос-
сийскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода на
имя Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Иннокентія,
Епископа Тамбовскаго и Шацкаго:

отъ 21-го іюля 1905 года за № 7290

о назначеніи пенсіи:

по 300 рублей въ годъ:

Заштатнымъ:—священникамъ церквей селъ: Мерлуши,
Темниковскаго уѣзда, Герасиму Тюменеву съ 6 февраля

1905 г. изъ Темниковскаго казначейства, Савры, Елатомскаго уѣзда, Филиппу Любимову съ 26 января 1905 г. изъ Елатомскаго казначейства.

по 200 рублей въ годъ:

Заштатнымъ діаконамъ церквей селъ: Яблоновца, Липецкаго уѣзда, Θεодору Свѣтлову съ 11 ноября 1904 года и Ласидъ, Елатомскаго уѣзда, Іоанну Мокринскому съ 5 февраля 1905 года.

по 100 рублей въ годъ:

Заштатному діакону церкви с. Каверина, Шацеаго уѣзда, Стефану Карельскому, прослужившему 38 лѣтъ по епархіальному вѣдомству, изъ нихъ 36 лѣтъ, 4 мѣсяца и 19 дней псаломщикомъ, а 1 годъ, 8 мѣсяцевъ и 7 дней діакономъ, съ 28 августа 1904 года изъ Моршанскаго казначейства и заштатнымъ псаломщикамъ церквей селъ: Куликовъ, Темниковскаго уѣзда, Василю Рудневу съ 25 октября 1904 г. изъ Темниковскаго казначейства, Павелки, Лебедянскаго уѣзда, Николаю Тигрову (въ савѣ діакона) съ 6 сентября 1904 г. изъ Лебедянскаго казначейства и Суморьева, Темниковскаго уѣзда, Іоанну Купленскому (въ савѣ діакона) съ 29 декабря 1904 г. изъ Темниковскаго казначейства.

II.

отъ 15 іюля 1905 года за № 7042.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 27-го минушаго іюня за № 4676, въ коемъ ходатайствуете о замѣщеніи освободившейся, за кончиною Ігуменіи Клавдіи, должности настоятельницы Усманскаго Софійскаго женскаго монастыря. Приказали: единогласно избранную сестрами Усманскаго женскаго монастыря,

Тамбовской епархіи, на должность гасоятельницы обители казначею зого же монастыря, монахиню Дорсфею утвердить, согласно ходатайству Вашего Преосвященства, въ означенной должности, съ возведеніемъ ся въ санъ Игуменіи, о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству увазь.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

Опредѣлены: на священническія мѣста: 1) къ церкви села Чернавки, Тамбовскаго уѣзда, надзиратель 1-го Тамбовскаго духовнаго училища Сергій Вознесенскій, — 27-го іюля; 2) къ церкви села Вячки, Кирсановскаго уѣзда, окончившій курсъ Семинаріи Викторъ Муравьевъ, — 27 іюля; на псаломщическое мѣсто къ Никольской церкви села Демшинска, Усманскаго уѣзда, бывшій воспитанникъ 5 класса Семинаріи Андрей Архангельскій, — 27 іюля.

Перемѣщенъ, согласно прошенію, діаконъ села Атюрева, Темниковскаго уѣзда, Василій Ивановъ на таковое же мѣсто къ церкви села Кажлодки, Спасскаго уѣзда, — 27 іюля.

Уволенъ, согласно прошенію, за штатъ діаконъ села Ищсина, Лебедянскаго уѣзда, Іоаннъ Сермоновъ, — 25 іюля.

Уволены отъ занимаемыхъ должностей по опредѣленію Епархіальнаго Начальства: 1) псаломщикъ Соборной церкви г. Липецка Василій Леонтьевъ, — 20 іюля; 2) вторая просфорня при Соборной Преображенской церкви г. Борисоглѣбска вдова священника Александра Орватова, — 27 іюля.

Увольненіе изъ монастыря: проживающая въ качествѣ послушницы на испытаніи въ Тамбовскомъ Тулино-Софійскомъ женскомъ монастырѣ крестьянская дѣвица села Ярославки, Козловскаго уѣзда, Анна Никитина Досѣгаева за самовольную отлучку изъ сего монастыря.

Объявляется благодарность Тамбовскаго Епархіального Начальства: Потомственному Почетному Гражданину Ивану Крюченкову, купцу Петру Егорову и Ивану Слободскому за пожертвованіе на ремонтъ старой Дмитріевской церкви с. Разказова, Тамбовскаго уѣзда, первымъ 902 руб. 34 коп., вторымъ 400 р. и послѣднимъ 200 руб.

Неизвѣстному за пожертвованіе на престольнаго Св. Евангелія въ церковь села Выползова, Лебединскаго уѣзда, въ 200 руб. и крестьянину Ивану Оедюшину—сосуда съ полнымъ приборомъ въ церковь того же села въ 80 руб. и крестьянину Иларіону Бокатину за пожертвованіе въ пользу церкви того же села 800 р. и 200 руб. билетами съ тѣмъ, чтобы $\frac{1}{2}$ съ нихъ пользовался мѣстной причтъ за поминъ.

За смертію исключается изъ списковъ монахиня Лебединскаго Сезеновскаго женскаго монастыря Капитолина, умершая 9 іюля 1905 года.

СПИСОКЪ

свободнымъ священническимъ, діаконскимъ, псаломщическимъ и просфорническимъ мѣстамъ по Тамбовской епархіи.

Священническія мѣста.

1) При церкви Липецкаго духовнаго училища; свободно съ 23 октября 1904 г.; причта положено: одинъ священникъ.

2) При церкви с. Царева, Елатомскаго уѣзда; свободно съ 6 іюля; причта положено: священникъ, діаконъ и псаломщикъ; душъ м. п. 1161; земли 28 дес.; причтъ получаетъ пособіе отъ казны въ размѣрѣ 725 руб. въ годъ.

3) При церкви Тамбовскаго Крестовоздвиженскаго кладбища; свободно съ 14 іюля; причта положено: священникъ и псаломщикъ; земли нѣтъ; дома церковные; причтъ пользуется $\frac{1}{2}$ съ капитала въ 15975 р.

4) При церкви села Туголукова, Борисоглѣбскаго уѣзда; свободно съ 25 іюля; причта положено: два священника, діаконь и два псаломщика; душъ м. п. 3697; земли 70 дес.

5) При церкви с. Кушекъ, Темниковскаго уѣзда; свободно съ 27 іюля; причта положено: два священника, діаконь и два псаломщика; душъ м. п. 1913; земли 33 дес.

6) При Николаевской церкви села Русскаго, Моршанскаго уѣзда; свободно съ 27 іюля; причта положено: священникъ и псаломщикъ; душъ м. п. 358; земли 105 дес.; причтъ получаетъ пособіе отъ казны, въ размѣрѣ 392 руб. въ годъ.

Діаконскія мѣста.

1) При церкви с. Ново-Александровки, Козловскаго у.

2) При церкви с. Алужей, Моршанскаго уѣзда;

Подроб. свѣд. объ этихъ приходахъ помѣщены въ № 29 Епархіал. Вѣдомостей.

3) При церкви с. Алексѣевки, Липецкаго уѣзда.

Подроб. свѣд. объ этомъ приходѣ помѣщены въ № 30 Епарх. Вѣдомостей.

4) При церкви с. Атюрева, Темниковскаго уѣзда; свободно съ 27 іюля; причта положено: два священника, діаконь и 2 псаломщика; душъ м. п. 1229; земли 66 дес.

5) При Александро-Невской церкви с. Александровки, Борисоглѣбскаго уѣзда; свободно съ 25 іюля, причта положено: священникъ, діаконь и псаломщикъ; душъ м. п. 1393; земли 33 дес.

6) При церкви с. Ишелна, Лебедянскаго уѣзда; свободно съ 25 іюля; причта положено: священникъ, діаконь и псаломщикъ; душъ м. п. 1437; земли 33 дес.

Псаломщическія мѣста.

1) При церкви Кирсанов. Оржевскаго женск. монастыря.

Подроб. свѣд. объ этомъ мѣстѣ помѣщены въ № 27 Епархіал. Вѣдомостей.

Просфорническія мѣста.

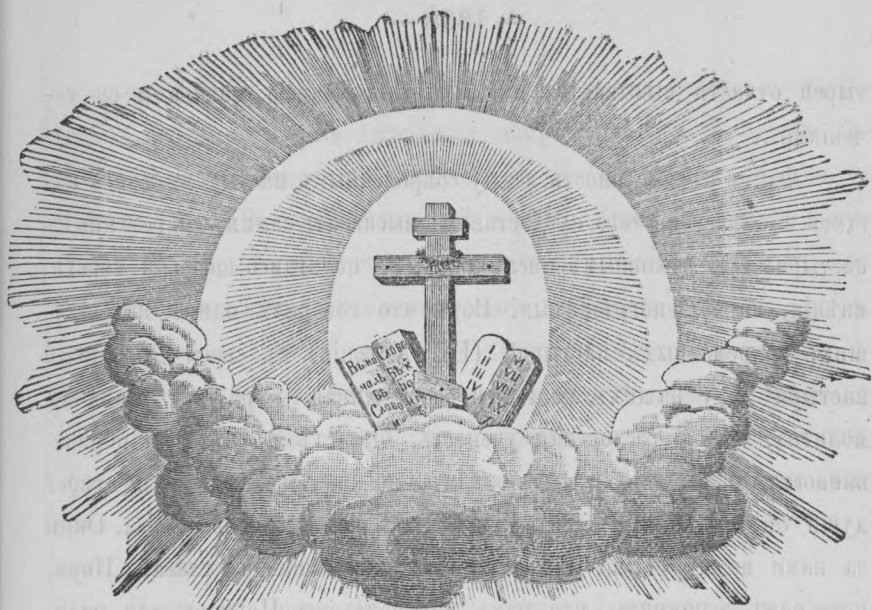
При церквахъ сель: Соколова и Павловки, Кирсановскаго уѣзда; Протасова, Найденки, Троицкой Дубравы, Ивановки, Чернавки, Богословьи—Новикова, Алексѣевки и Митрополя, Тамбовскаго уѣзда; Пролома, Помевайки, 2-хъ Львухъ Ламокъ и Кругца, Моршанскаго уѣзда; Хрущева, Лебедянскаго уѣзда; Пашатова, Бахтызина и Ишсекъ, Темниковскаго уѣзда; Христофоровки, Козловскаго уѣзда; Куликовъ, Шацкаго уѣзда; Частой Дубравы и Песковатки, Липецкаго уѣзда; Троицкаго и Сергіевки, Борисоглѣбскаго уѣзда.



С О Д Е Р Ж А Н І Е. Отдѣлъ офіціальный. I. Указы Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. II. Епархіальныя распоряженія и извѣстія. III. Списокъ свободныхъ священно-церковно-служительскихъ мѣстъ. IV. Объявленія.

Редакторъ, Секретарь Консист. Александръ Андріевскій.

Цензоръ, Протоіерей Петръ Успенскій.



ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

Въ чемъ причина взаимной разобщенности между современнымъ священникомъ и его паствой?

„Мы такъ мало привыкли къ взаимному обмѣну своимъ душевнымъ содержаніемъ, такъ мало стали склонны къ... взаимообращенію“ (соч. Еп. Антонія, т. II, 354 стр.), что въ дальнѣйшихъ нашихъ словахъ, вѣроятно, многіе думаютъ встрѣтить сухую—официальную рѣчь „о недостаткахъ, о пресловутомъ корыстолюбіи, честолюбіи или нетрезвости духовенства, въ чемъ его такъ злорадно обличаетъ свѣтская печать“ и что, конечно, служить отчасти причиною разобщенности между современнымъ пастыремъ и его паствой... Нѣтъ, мы постараемся указать искренно, откровенно наши мысли о томъ, что въ этомъ отчужденіи виновата и паства и что отчужденіе современной паствы отъ пас-

тырей отчасти вызывается и самою современною жизнью и ея теченіями...

Фактъ разобщенности между современнымъ пастыремъ и его паствой и объясненіе сего предоставимъ высказать самимъ современнымъ пастырямъ и духовнымъ писателямъ, не полагаясь на свои собств. мнѣнія, какъ непогрѣшимыя. Вотъ что говоритъ одинъ изъ лучшихъ современныхъ пастырей (Еп. Антоній) въ своей „исповѣди пастыря“: „у нашихъ пастырей есть живая вѣра, есть горячая молитва, есть богословская ученость, бываетъ и свѣтская образованность, и любовь, и патріотизмъ, но пастырства, слитія своей души съ пастырскимъ дѣломъ—у насъ очень, очень мало... Овцы за нами не идутъ, но бѣжать и не знаютъ нашего гласа... Пора, пора намъ вспомнить, что намъ поручена вся Церковь для назиданія, весь міръ для проповѣди, что наше дѣло—руководить всею жизнью міра на пути къ небесному царству, что всѣ эти идеалы должны быть нашею пищею, нашею жизнью, что мы за забвеніе ихъ дадимъ отвѣтъ Господу, когда Онъ придетъ не умирать за міръ, но судить міръ. Но и раньше того суда, самая жизнь судить насъ: паства наша разбѣжалась по всѣмъ горамъ и долинамъ міра сего и возтала на насъ, да не на насъ только, а и на Христа и ругается Ему. А мы? Будемъ ли мы только смотрѣть, грѣясь у огня, или будемъ впадать въ отчаяніе, какъ Иуда, или лучше подобно святымъ женамъ послужимъ Страждущему Господу?“ (ibid.).

„Церковный Вѣстникъ“ (1903 г., № 3) не такъ давно писалъ: „ни одно сословіе не поставлено у насъ въ такія близкія и разнообразныя отношенія къ обществу, какъ духовное... Но нельзя скрывать того прискорбнаго факта, что разнь между духовенствомъ и народомъ, особенно образованными классами, дошла до угрожающихъ размѣровъ...“

Поэтому-то современная жизнь христіанъ, официально принадлежащихъ къ *Матери*—Церкви Христовой, въ дѣйствитель-

номъ отношеніи ихъ къ Церкви нисколько не лучше положенія такихъ людей, которые выводятся напр., въ разсказѣ одного современнаго духовнаго публициста (Гером. Михайль, „Маленькая Церковь“)... „Большой—большой городъ. Длинныя, темныя, узкія улицы. Народъ куда-то торопится, чего-то ищетъ. Чего? Я знаю это. Они ищутъ выхода изъ этого узкаго лабиринта улицъ на свѣтъ, къ широкой и свѣтлой площади, которая гдѣ-то тамъ есть. На лицѣ ихъ ужасъ и смятеніе: они чувствуютъ, что потеряли дорогу, что улицы все темнѣютъ и суживаются... А я знаю, вижу просвѣтъ, конецъ темной улицы, выходъ на площадь, но не знаю, кого вести... И знающіе путь есть, (но) люди не понимаютъ ихъ; тьма сгущается, и лабиринтъ сдвигается“...

Итакъ по признанію самихъ пастырей—несомнѣнный фактъ, что между пастыремъ и паствою теперь замѣтна сильная разобщенность. Разобщенность эта выражается въ томъ, что современный пастырь не чувствуетъ себя „едино“ съ паствою, а послѣдняя или не видитъ въ своемъ пастырѣ естественнаго руководителя, или даже обѣжить отъ него, подозрѣвая въ немъ врага всего теперешняго направленія жизни и душевнаго настроенія людей.

Попытаемся же уяснить себѣ причины того, почему люди чуждаются своихъ духовныхъ вождей, и укажемъ, какимъ путемъ должно достигаться сближеніе пастыря и паствы.

Каковъ долженъ быть прежде всего пастырь въ своихъ отношеніяхъ къ прихожанамъ? „Обычно „добродѣтели, которыя долженъ имѣть пастырь“ и „пороки, которыхъ онъ долженъ избѣгать“, не идутъ дальше обыкновенныхъ требованій, обязательныхъ для всѣхъ христіанъ, такъ что въ общемъ получается, что пастырь долженъ быть тѣмъ, чѣмъ долженъ быть и всякій порядочный христіанинъ. Такой недостатокъ пасторологической литературы отмѣтилъ проф. Пѣвницкій, который поэтому даже отказался отъ опредѣленія пастырскаго настроенія... Сущность служенія пастыря онъ опредѣляетъ, какъ дѣятельность преимущественно внѣш-

ною, именно какъ возрожденіе душъ пасомыхъ чрезъ совершеніе таинствъ... Но всё многочисленныя и разнообразныя священнодѣйствія священникъ долженъ сопровождать соответственнымъ настроеніемъ—плакать съ плачущимъ, каяться съ кающимся, вообще сраспинаться всѣмъ своимъ ближнимъ... Во всѣхъ событіяхъ жизни пасомыхъ священникъ свидѣтельствуешь предъ Богомъ свое отеческое участіе къ разнообразнымъ нравственнымъ состояніямъ вѣрующихъ и, слѣдовательно, сострадаетъ имъ“... Пастырь долженъ имѣть сострадательную любовь къ паствѣ, долженъ переживать въ себѣ скорбь и радость о нравственномъ совершенствованіи своихъ пасомыхъ, долженъ „чревоболѣть“ о нихъ (Еп. Антоній, „Пастырское Богословіе“). Пастырь долженъ быть не только стражемъ—пастыремъ своего приходскаго стада, но —и отцомъ своихъ пасомыхъ, такъ, чтобы самыя его отношенія къ пасомымъ отождествлялись съ отношеніями отца къ дѣтямъ, который радуется радостямъ дѣтей и болѣетъ ихъ болѣзнями.

Слѣдовательно, пастырь долженъ встать въ ближайшія, непосредственныя отношенія къ личностямъ своихъ прихожанъ... Призванный къ уврачеванію духовныхъ недуговъ своихъ прихожанъ, онъ долженъ и въ приѣмахъ своего лѣченія унудобляться врачамъ... Врачи не стыдятся наклоняться къ ранамъ своихъ пациентовъ, не скупаютъ осматривать и изучать ихъ, чтобы опредѣлить степень серьезности болѣзни и прочно установить методъ ея лѣченія. Подобно этому и священникъ—духовный врачъ душевныхъ немощей не долженъ чуждаться немощей своихъ пасомыхъ, а обязанъ усердно отыскивать „заблудшее овца и, возложивъ его на рамо, принести ко Отцу“.

Наше духовенство стараго типа было, именно, таково при всей своей простотѣ и, можетъ быть, недостаточной просвѣщенности. Въ глухихъ захолустныхъ селахъ и теперь можно встрѣтить такую идиллическую и трогательную картинку. Въ праздникъ кончилась обѣдня. Изъ церкви пестрою толпою выходитъ народъ.

Въ разныя стороны потянулись шумныя вереницы возвращающихся домой мужиковъ, бабъ и дѣтей. Вдали отъ нихъ устало ковыляютъ убогія старушонки. На колокольнѣ замирають послѣдніе звуки веселаго трезвона. А въ домѣ батюшки только еще начинается особая сценка, родная, близкая сердцу всякаго „поповича“, воскрешающая простоту апостольскаго времени. Въ тѣсной столовой батюшкина дома собралось человѣкъ 5 мужичковъ. На лицахъ у всѣхъ—выраженіе торжественной важности. Въ ожиданіи батюшки, замѣшкавшагося въ церкви съ „требами“, ведется отрывистый разговоръ съ матушкой. Матушка хлопотливо перебѣгаетъ отъ кипящаго самовара къ шкафчику, вынимаетъ посуду и торопливо отвѣчаетъ словоохотливымъ собесѣдникамъ. Вотъ является батюшка. Мужички встають. Батюшка медленно крестится, а потомъ неторопливо благословляетъ собравшихся.

Скоро за чаемъ начинается оживленная бесѣда. Батюшка говорить о Портъ-Артурѣ, о Куропаткинѣ. Собесѣдники ахаютъ и охаютъ. Начинаются обычныя политическія соображенія и догадки. Затѣмъ незамѣтно переходятъ на мелкія злободневныя деревенскія дѣлишки. Батюшка наставительно объясняетъ, разъясняетъ о больныхъ, проситъ помочь такому-то бѣдному семейству, рассказываетъ интересный эпизодъ изъ своей семинарской жизни... Долго льется задушевная бесѣда „батюшки“ съ его дѣтьми. Разрѣшаются многіе недоумѣнія и запросы мужичковъ, которые послѣ такой бесѣды уходятъ растроганными и даже воодушевленными.

Во многихъ селахъ батюшку любовно посрачаютъ въ темныя семейные раздоры. Ему часто помимо исповѣди открываютъ всю свою душу. Батюшка занимаетъ мѣсто у прихожанъ не на „скрижаляхъ каменныхъ“, а на „скрижаляхъ сердца“. Впрочемъ, въ такихъ случаяхъ батюшка всегда бываетъ „пастыремъ добрымъ“, а не „наемникомъ“. И свѣтитъ такой свѣтильничекъ „на свѣщницѣ“, а не „подъ спудомъ“, такъ что свѣтлѣе становится на всякой душѣ „скорбящей и озлобленной, милости Божіей и

помощи требующей“. Люди „видять добрыя дѣла (пастыря) и прославляютъ Своего Небеснаго Отца“.

А что теперъ можно наблюдать лишь какъ остатокъ старины и исключеніе, то прежде было обычнымъ явленіемъ самой непосредственной связи между пастыремъ и паствой. И такое положеніе пастыря нисколько ни унижало пастыря въ глазахъ паствы, а, напротивъ, придавало ему еще большій авторитетъ опытнаго и внимательнаго руководителя.

„Прежнее духовенство (сельское) было не землевладѣльческимъ, а земледѣльческимъ классомъ; семья священника принимала непосредственное участіе во всѣхъ крестьянскихъ работахъ. Помѣщаясь въ хатѣ, которая отличалась отъ крестьянской избы не размѣрами и архитектурой, а только относительной чистотой, семья священника жила почти тою же жизнью, какою живетъ крестьянинъ, угощаясь сама въ домахъ крестьянъ и имѣя у себя гостями въ праздники тѣхъ же крестьянъ“. (Никольскій. „Интересы и нужды епархіальн. жизни“).

„Наше (же) время, начавшееся лѣтъ 40 тому назадъ, есть время омірщенія пастырскаго служенія *) (и совершеннаго почти отчужденія его отъ теченій общественной жизни)... Отчужденіе сельскихъ пастырей отъ паствы началось сравнительно въ недавнее время... Сравнительно недавно еще въ обиходѣ жизненной обстановки сельскаго священника начали появляться такіе признаки сытаго мѣщанскаго благополучія, чуждаго духу живаго общенія съ сѣрымъ и грязнымъ мужикомъ, какъ: роля, „Нива“, „Биржевыя Вѣдомости“, страхованія жизни „отъ напрасныя смерти“... и т. п. Тутъ однако страшна не барская обстановка, выѣшне отчуждающая батюшку отъ сельскаго прихода; страшна самая духовная отчужденность батюшки отъ церковно-приходской жизни, страшно отсутствіе въ батюшкѣ постоянныхъ волненій церковными ин-

*) Еп. Антоій.

Тересами, каковое теперь можно замѣтить во многихъ сельскихъ священникахъ.

Страшно равнодушіе священниковъ именно въ томъ отноше-
ніи, что оно превращаетъ ихъ живую пастырскую дѣятельность въ
какое-то казенное исполненіе скучныхъ оффиціальныхъ обязанно-
стей. Отъ скуки сельскій пастырь начинаетъ заботиться о комфортѣ,
представляющемъ въ сущности невинную забаву и естественное раз-
влеченіе. Но нужно замѣтить—увлеченіе хозяйственными интере-
сами и заботы о комфортѣ жизни многихъ батюшекъ—не вполнѣ
безобиднаго свойства: оно перенимается отъ барской жизни интел-
лигенціи—изъ подражанія ей, изъ нежеланія „отстать“ отъ нея,
а еще больше отъ скуки пастыря среди невзрачной деревенской
обстановки и даже отъ затаеннаго, а иногда и открытаго прене-
бреженія къ сѣрому мужику. Типъ стараго сельскаго батюшки,
неполниѣ образованнаго, бѣднаго, неуклюжаго, но глубоко-религи-
ознаго, любящаго Церковь и близкаго къ мужику теперь сходитъ
со сцены жизни: въ современномъ селѣ встрѣчается чаще всего но-
вый типъ батюшки. Теперешній сельскій священникъ много изящ-
нѣе, щеголеватѣе стараго. А ужъ про матушекъ и говорить не-
чего: прежде въ такихъ костюмахъ, какіе теперь носятъ матушки
и батюшкины дѣти, въ старину мужикъ видѣлъ только барыню-
помѣщицу и ея сіятельныхъ дѣтей. Ну и въ домѣ батюшки те-
перь завелись предметы прямо барскаго обихода: не рѣдкость у
батюшки встрѣтить фортепiano, ломберный столъ, электрическіе
звонки, нарядную горничную и многое подобное. Скромныя дѣдов-
скія „Четь-Минеи“ новенькіе батюшки охотно мѣняютъ на „Бир-
жевыя Вѣдомости“ и „Ниву“. Дѣти прежняго священника „от-
мѣнно усердствовали“ въ клиросномъ чтеніи и пѣніи, работали въ
полѣ, не чуждались мужиковъ... Ну а теперь дѣти батюшки учатся
въ гимнази, да и тѣ, которые „призрѣваются“ въ привилегиро-
ванныхъ для духовенства духовныхъ семинаріяхъ, мало чѣмъ от-
личаются отъ учащейся молодежи свѣтскихъ учебныхъ заведеній.

Вообще современный сельскій батюшка далеко выдвинулся изъ сѣрой мужицкой среды, приблизившись къ чуждому для крестьянина барству и по своей вѣншей домашней обстановкѣ и по своимъ духовнымъ интересамъ. Мужикъ теперь встрѣчается батюшкой у порога кухни, какъ офиціальнй проситель, а не какъ непосредственный членъ живой церковно-приходской семьи. А въ домъ прихожанина—мужика батюшка заглядываетъ либо для напутствованія больного, либо для отпѣтія усопшаго или съ молебномъ въ великіе праздники. Наскоро совершается несложный церковный обрядъ. Мужикъ вынимаетъ изъ-за пазухи „мзду“ для батюшки, и батюшка тотчасъ удаляется. Тутъ не можетъ быть и рѣчи о продолжительной сердечной бесѣдѣ батюшки—отца съ прихожанами—дѣтьми, которые всегла нуждаются въ простомъ словѣ назиданія или сочувствія.

Да еслибъ и захотѣлъ теперешній молодой священникъ сойтись съ прихожанами—мужичками, что случается очень рѣдко, это сближеніе стоило бы ему громаднхъ усилій, а на первыхъ порахъ было бы прямо невозможно: новенькій батюшка за 10 лѣтъ ученія въ городскихъ духовно-учебнхъ заведеніяхъ превращается въ свѣтскаго, городского чловѣка, а не въ духовнаго и простаго—сельскаго... Молоденькій батюшка знакомъ съ Чеховымъ, читаль о социализмѣ, интересовался въ свое время и астрономією и музыкой, и вообще всемъ тѣмъ, чѣмъ обычно интересуются городскіе учащіеся юноши. Правда, онъ училъ „Богословіе“ и „Священное Писаніе“, но вѣдь все это онъ училъ также, какъ училъ „Физику“ или „Греческій языкъ“: готовился отъ урока къ уроку, подзубриваль къ очереди и съ грѣхомъ пополамъ прочитываль весь учебникъ во время экзаменовъ. Отъ такого изученія спеціальныхъ предметовъ въ памяти его остались только отрывки отдѣльныхъ уроковъ, нѣсколько выученныхъ отвѣтовъ и, навѣрное, больше ничего. Изученіе спеціальнхъ семинарскихъ наукъ было бы очень полезно для людей интересующихся богословіемъ, волну-

щихся церковными вопросами и искренно стремящихся къ пастырству. Если бы въ семинаріи учились только поступившіе въ нее по убѣжденію въ высотѣ и святости пастырства, то она легко могла бы при всѣхъ своихъ недостаткахъ приготовить пастырей близкихъ по своимъ воззрѣніямъ къ Церкви и приходу, а не чуждыхъ интересамъ церковно-приходской жизни.

А между тѣмъ этого-то въ семинаріи и нѣтъ, какъ равно нѣтъ и цѣлесообразной подготовки къ пастырскому дѣлу, т. е., къ духовной жизни. Духовная школа теперь, повидимому, и не беретъ этого на себя, предоставляя юношу самому себѣ вырасти самостоятельно въ „пастыря добраго“. А таковой—исключеніе: большинство, становясь въ ряды пастырей, рѣдко имѣютъ особыя пастырскія стремленія, смотрять на себя, какъ на обычныхъ „мірскихъ“ дѣятелей и потому совершенно спокойно проводятъ дальнѣйшую свою жизнь, подобную обычной жизни всѣхъ порядочныхъ людей.

Нельзя конечно обвинять огульно все духовенство въ излишнемъ увлеченіи хозяйственными, вообще внѣшними или политическими и литературными и друг. интересами въ ущербъ интересамъ приходской жизни, но нельзя и умолчать о томъ, что причиною отчужденія паствы отъ пастыря часто служитъ самъ батюшка, особенно, тогда, когда онъ свое пастырское служеніе обращаетъ въ прибыльное ремесло или въ казенное исполненіе официальной „службы“... Протоіерей Н. Влагоразумовъ говоритъ: „конечно, нехорошо, когда молодое духовенство, соблазняясь внѣшнимъ комфортомъ, во внѣшнихъ привычкахъ тянется за помѣщиками и чиновниками, и потому въ глазахъ крестьянина ничѣмъ не отличается отъ „барина“... но и земледѣльческими работами нынѣшнему священнику заниматься рѣшительно некогда: довольно, если онъ заведетъ у себя небольшой огородъ и садъ. Сближенія же съ своими прихожанами онъ можетъ и долженъ достигать не взаимоутощеніемъ собственно, а безпритязательною общедоступно-

стью и привѣтливостью ко всѣмъ, пастырски-сердечнымъ участіемъ въ радостяхъ и горестяхъ каждаго изъ членовъ его паствы“ (Вѣра и Церковь, 1904 г., кн. 5).

Вообще же не барская обстановка удаляетъ современнаго сельскаго батюшку отъ прихода: вѣдь не препятствуетъ же, напр., ближайшему общенію о. Іоанна Кронштадскаго со всѣми его многочисленными почитателями то обстоятельство, что онъ имѣетъ собственный пароходъ или бархатныя рясы? И возвращеніемъ сельскаго духовенства къ прежнему положенію, именно, къ нищетѣ, убожеству и добыванію себѣ хлѣба насущнаго „въ потѣ лица“ мы не достигнемъ сближенія его интересовъ съ интересами народа: тутъ нужно возрожденіе пастыря, нужно воплощеніе въ него древняго апостольскаго самоотверженія, какое только и въ состояніи произвести въ человѣкѣ способность „чревоболѣть“ за своихъ пасомыхъ, какъ за своихъ чадъ или братьевъ...

Близость пастыря къ паствѣ достигнется не чрезъ циркуляры или предписанія, и, пожалуй, даже не столько чрезъ частое странствованіе батюшки по домамъ прихожанъ, какое рекомендуетъ нѣкоторыми соврем. писателями, сколько чрезъ привѣтливое, ласковое обращеніе его съ прихожанами и чрезъ искреннее состраданіе и близкое участіе во всякомъ „скорбящемъ, озлобленномъ, милости и Божіей помощи требующемъ, потому что“ и „главная черта пастырскаго духа—это состраданіе грѣховной немощи людей, скорбь о грѣшныхъ людяхъ и пламенѣющее желаніе о приближеніи ихъ и себя къ Богу“. (Еп. Антоній).

„Чтобы имѣть душу, открытую думамъ ближнихъ, чтобы принимать въ нее ихъ немощи и печали,—священникъ долженъ имѣть общую почву съ религіознымъ настроеніемъ своей паствы... сознавать себя въ реальномъ общеніи, въ органическомъ единствѣ съ православными цѣлями... со Вселенскою Церковью“... Для него нужно особое „народно—христіанское настроеніе“.

Когда у пастыря будетъ господствующимъ такое именно настроеніе, тогда для него не опасенъ никакой случайный или постоянный комфортъ, тогда батюшка не будетъ сторониться своихъ некультурныхъ пасомыхъ и не будетъ вырабатывать искусственныхъ приемовъ общенія съ приходомъ: тогда у него во всѣхъ его поступкахъ и стремленіяхъ всегда будетъ проявляться одна цѣль, одно настроеніе. Слѣдовательно, для пастыря нужно особое настроеніе заботливости о пасомыхъ, подобіе котораго дается въ почительной любви матери къ дѣтямъ. Струю такого настроенія и должна дать будущему пастырю духовная школа.

Духовная школа должна сдѣлать то, „чтобы мысль будущаго пастыря обнимала собою широкій горизонтъ жизни общественной и народной. Но для пастырскаго служенія нужно не одно только развитіе мысли, но еще болѣе укрѣпленіе воли и живость чувства“. Поэтому-то духовная школа должна оживить въ кандидатѣ священства религиозное чувство и развить въ немъ инициативу... Семинаристъ въ силу важности своей будущей пастырской дѣятельности нравственно обязанъ готовиться къ ней съ самаго начала своей сознательной жизни въ среднихъ или, особенно старшихъ классахъ семинаріи. Поэтому его поведеніе въ семинаріи должно выражаться не только въ исправности въ школьной дисциплинѣ и ученическихъ обязанностяхъ, не только въ отвѣтахъ изъ учебника и въ писаніи сочиненій и проповѣдей на темы, но, главное, онъ обязанъ сознавать себя отвѣтственнымъ предъ Богомъ и народомъ за свое душевное настроеніе и за свою подготовленность къ будущему пастырскому служенію...

(Продолженіе будетъ).

Обозрѣніе посланій св. Апостола Павла.

(Продолженіе).

Ст. 25—40. Св. ап. Павелъ даетъ наставленія о дѣвственной жизни и предупреждаетъ христіанъ, чтобы они со вниманіемъ отнеслись къ нимъ: ибо это — наставленія Апостола Христова, просвѣщеннаго свыше истолкователя воли Господней (25). ¹⁶⁾ Апостоль предпочитаетъ дѣвство брачному состоянію по слѣдующимъ причинамъ. *Во первыхъ*, дѣвство лучше брака вслѣдствіе бѣдственнаго положенія, въ которомъ находится церковь Христова (*за настоящую нужду*). Она должна вести борьбу со зломъ, должна восторжествовать надъ язычествомъ и невѣріемъ. Эта борьба требуетъ самоотверженія, самоотреченія со стороны христіанъ (26) ¹⁷⁾ Но Апостоль отнюдь не возбраняетъ вести брачную жизнь тѣмъ, которые вступили въ бракъ или желаютъ вступить ¹⁸⁾

¹⁶⁾ *О двѣхъ.* Дѣва — *παρθενος* означаетъ и дѣвственница, и дѣвственницу. *Повелѣнія Господня не имамъ*, т. е. Апостоль, говоря о превосходствѣ дѣвства, не обязываетъ всѣхъ вести безбрачную жизнь. „Господь на вопросъ Апостоловъ — если такъ говорить законъ о женѣ, *лучше есть не жениться*, отвѣчалъ: *не вси вмѣщаютъ словесе сею* (Мф. 19, 10. 11); и еще: *мойи вмѣстити да вмѣститъ* (12). Потому и божественный Апостоль сказалъ: *повелѣнія Господня не имамъ*“ (Бл. Феодоритъ. Стр. 216). *Яко помилованъ отъ Господа отрѣнъ быти.* „Съ обычною скромностію указалъ Павелъ на Апостольское достоинство: достойный вниманія и совѣтникъ, говорить онъ, по великой милости Владыки призванный и поставленный проповѣдникомъ“ (ibid. стр. 216—217).

¹⁷⁾ „Подъ *настоящею нуждою* разумѣть здѣсь Апостоль гоненіе, направляемое невѣрными противъ вѣрующихъ, и всякія съ ихъ стороны преслѣдованія и озлобленія. Одинокому не такъ трудно ихъ переносить, какъ связанному женою и дѣтьми“ (Фотій См. у еп. Теоф. стр. 246.

¹⁸⁾ *Отрѣшился ли еси, κελησαι* — отрѣшился отъ жены, съ которою сочелся бракомъ, по причинѣ ея смерти, —

Во вторыхъ, дѣвство лучше брака потому, что семейная жизнь преисполнена многихъ заботъ и скорбей, которыя отвлекаютъ насъ съ служенія Господу (27—28). ¹⁹⁾ *Въ третьихъ*, дѣвство выше брака потому, что цѣль нашей жизни не устройство земного счастья, а вѣчное спасеніе души. Жизнь наша съ ея благами скоротечна, немного времени осталось до конца вѣка (*время прекращено*, т. е. скоро наступитъ конецъ вѣка и страшный судъ, который опредѣлитъ на вѣки нашу участь). Мы должны готовить себя къ этому концу, не должны порабощать себя заботамъ о мірскомъ, земномъ. Мы не должны всецѣло отдаваться любви къ женѣ, семейнымъ радостямъ, скорбямъ, мірскимъ дѣламъ и развлеченіямъ. Все это можетъ удалять насъ отъ цѣли жизни (29—31). ²⁰⁾ Въ пользу безбрачной жизни Апостоль

или отрѣшился отъ жены въ томъ смыслѣ, что не вступалъ въ бракъ.

¹⁹⁾ *Скорбь плоти* (τῆ σαρκι—для плоти)—болѣзни дѣторожденія („и мужъ и жена одинаково страдаютъ въ это время: тотъ душою, эта тѣломъ“—еп. Теоф. стр. 248), заботы о содержаніи дома, о воспитаніи дѣтей.

²⁰⁾ Стоитъ только мысленно представить себя въ положеніи умирающаго, тогда, если о чемъ (земномъ) плакалъ, перестанешь плакать, если о чемъ радовался, перестанешь радоваться, если купилъ что, будешь равнодушнѣ къ тому, какъ бы ничего не притяжалъ, и какими бы благами не пользовался, не будешь чувствовать никакого пристрастія къ нимъ. Такъ мы всегда должны быть отрѣшены отъ всего земного, преходящаго. „Если смерть близъ, то зачѣмъ пристращаться къ здѣшнимъ вещамъ? Кто предается мірскимъ утѣхамъ, величается богатствомъ, высится отъ почетовъ и похвалъ, тотъ не какъ должно пользуется міромъ. Надо на все сіе смотреть, какъ на мимоходящее и насъ не касающееся. Не за этимъ вступаемъ мы въ міръ сей, а затѣмъ, чтобы преуспѣвать въ дѣлахъ благихъ и быть всегда готовымъ къ исходу. Кто забываетъ эту цѣль и предается міру такъ, какъ бы здѣсь его была вѣчная жизнь, тотъ не какъ должно употребляетъ міръ, а злоупотребляетъ имъ“ (*Экуменій*. См. у еп. Теоф. стр. 252—253).

указываетъ на большее удобство благоугождать Богу въ состояніи безбрачія. Тогда какъ дѣвственникъ, свободный отъ семейныхъ узъ, всецѣло отдаетъ себя на служеніе Богу, — человѣкъ, вступившій въ бракъ, невольно долженъ отвлекаться отъ служенія Господу заботами о семьѣ (32—34). ²¹⁾ Но Апостоль опять повторяетъ, что онъ не стѣсняетъ свободы христіанъ, не принуждаетъ ихъ къ безбрачной жизни; онъ желаетъ только, чтобы каждый христіанинъ служеніе Богу ставилъ выше всего (35). ²²⁾ Въ заключеніи Апостоль одобряетъ отца, если онъ, считая неприличнымъ своей дочери

²¹⁾ *Хочу же васъ безпечальныхъ быти.* Апостоль желаетъ, чтобы христіане были безпечальны, т. е. чтобы не порабощались заботами міра. Забота, многопечительность о житейскомъ — страшное зло въ жизни человѣка; отъ нея даже лучшіе люди духовно погибаютъ; ибо имъ некогда подумать о спасеніи, о вѣчности, объ угроженіи Господу, они кружатся въ водоворотѣ житейскихъ дѣлъ и попеченій, не видя имъ конца. „Господь единъ и тѣхъ, кои Ему себя предають, объединяетъ, цѣлостъ и крѣпость даетъ, а мірское многосложно: оно разлагаетъ душу на саму себя и, цѣлостъ жизни ея нарушая, истощаетъ ее, томитъ и сушитъ“ (Еп. Теофанъ. Стр. 255). *Раздѣлился жена и дѣва.* „Очевидно, что Апостоль противопоставляетъ дѣву, исключительно себя посвятившую Господу, женѣ осустившейся. Но если и эта станетъ имѣть заботу объ угоженіи и Господу, то насколько потрудится въ семь угоженіи, настолько вкуситъ и благобытія, свойственнаго первой“ (Еп. Теофанъ. Стр. 256).

²²⁾ *По къ благообразію и благоприступанію Господеви безмолву.* Къ благообразію — дѣвство возводитъ человѣка въ благообразное состояніе. Апостоль ревновалъ о всей Коринтской церкви — представить ее Господу дѣвою чистую (2 Кор. 11, 2) и о каждой душѣ, чтобы представить ее Господу благообразнѣйшею. *Къ благоприступанію Господеви безмолву.* Благоприступаніе — епаредров, непрестанное присѣдніе Господу, свободное, удобное, легкое. *Безмолву* — *απερὸπαιτῶς* — неразвлеченно. Дѣвство даетъ удобство, легкость непрестанно присѣдѣть, т. е. служить Господу безъ всякаго развлеченія.

оставаться въ дѣвахъ, выдаетъ ее замужъ; но болѣе похваляетъ того отца, который хранить дѣвство своей дочери въ томъ убѣжденіи, что ово спасительнѣй для человѣка (36—38). ²³⁾ Вдовѣ Апостоль позволяетъ вступать въ бракъ, только съ условіемъ, чтобы выходила замужъ за христіанина (*о Господь*). Но называетъ блаженнѣйшею ту вдову, которая сохранять себя въ безбрачїи (39—40). ²⁴⁾

(Продолженіе будетъ).

²³⁾ *А иже стоитъ твердо сердцемъ, не имѣй нужды, власть же имать о своей воли, и се разсудилъ есть въ сердце своемъ блюсти дѣву свою, добръ творитъ. Кто стоитъ твердо сердцемъ, т. е. кто убѣжденъ въ превосходствѣ дѣвства, и не имѣетъ нужды (напр. матеріальной) выдать замужъ дочь, тотъ пусть хранить дѣвство своей дочери, если только это въ его волѣ (власть же имать о своей воли, если напр. не встрѣчаетъ препятствїя со стороны желанїй дочери).*

²⁴⁾ *О Господь. Выходи за вѣрнаго, благочестиваго, цѣломудренно, законно^a (Бл. Теодоритъ. Стр. 220). „Для дѣторожденїа и воспитанїа чадъ въ страхѣ Божиємъ, а не по страсти похотной“ (Экуменїй. См. у еп. Теофана стр. 260). „Съ цѣломудріемъ, съ честностію, ибо эти добродѣтели вездѣ нужны, и о нихъ всегда должно заботиться; иначе невозможно узрѣть Бога. Миръ, говорить Апостоль, имѣйте и соятыню, иже кромѣ никтоже узритъ Господа (Евр. 12, 14). Итакъ, дабы намъ удостоиться узрѣть Бога, будемъ, въ дѣвствѣ ли, въ первомъ ли бракѣ, или во второмъ, преуспѣвать въ этой добродѣтели, и мы сподобимся царствїа небеснаго“ (Златоустъ. Стр. 342). *Мнюся бо и азъ Духа Божїа имѣти.* Апостоль совѣтуетъ по внушенїю Духа Божїа. „Незаконенїе не есть умаленїе достоинства дѣвства, а его возвышенїе. Его приносятъ, какъ жертву и даръ, а не какъ иго закона несутъ“ (Еп. Теофанъ. Стр. 261).*

Изъ отчета Тамбовскаго Епархіальнаго противосектантскаго Миссіонера Владиміра Базарянинова за 1904 годъ.

(Матеріалъ для противосектантской методики).

Въ посѣщенныхъ мною приходахъ я имѣлъ дѣло съ штунд-баптистами, молоканами (уклеинскаго толка) и хлыстами.

I. Темами для бесѣдъ съ *штундо-баптистами* служили вопросы—о Церкви, о святости, объ оправданіи, о крещеніи младенцевъ, о св. преданіи, а отчасти и—объ иконахъ, крестѣ, храмахъ, священствѣ, св. причащеніи, объ ангелахъ, святыхъ, молитвахъ за умершихъ, св. постахъ.

Въ ученіи о Церкви приходилось говорить преимущественно по вопросу о *святости Церкви*, т. е. о томъ, что она свята по задачѣ и совершающемуся въ ней процессу, а равно и силѣ, ею совершающей, но не по фактической безгрѣшности состоянія всѣхъ своихъ членовъ, что Церковь составляютъ не одни безгрѣшные, но что спасаемые согрѣшающіе (до извѣстнаго предѣла своей грѣховности) пребываютъ еще въ Церкви. Доказательства штунд-баптистовъ сводятся къ тѣмъ мѣстамъ Писанія, гдѣ Церковь называется избранной и святой; а христіане—народомъ особеннымъ, выдѣлившимся изъ грѣшниковъ, не отъ міра сего, гдѣ Церковь называется домомъ Божиимъ, жилищемъ Святаго Духа, Тѣломъ Христовымъ, омытой Его кровью, не имѣющей пятна или порока. И трудно бываетъ вбить въ голову оппонента разницу задачи и идеала отъ дѣйствительности и совершающагося процесса. Непріятная сторона бесѣды на эту тему,—это то, что приходится выслушивать со стороны фарисейски строгой и праведной секты прेमного укоризнѣй православной церкви за разслабленіе церковной дисциплины, т. е. за перешедшее всякую мѣру снисхожденіе къ грѣшникамъ, за то, что она будто бы смѣшалась съ міромъ, погло-

щена имъ, растворилась въ его грѣхахъ до безсилія стать противъ.

При бесѣдѣ на тему о *личной святости* штундо-баптистъ сначала рьяно доказываетъ, что вѣрующій святъ. Замѣняемъ мнѣе ясное слово „святой“ болѣе опредѣленнымъ „безгрѣшный“ и доказываемъ, что нѣтъ ни одного человѣка безъ грѣха. Сбитый въ этомъ пунктѣ собесѣдникъ переходитъ къ положенію, что хотя „ошибки“, „паденія“ и могутъ случиться съ каждымъ, но „тяжкихъ грѣховъ“ вѣрующій не творить. Потѣсенный и здѣсь, онъ уходитъ на слѣдующій оборонительный пунктъ: „грѣхи-де не къ смерти“ возможны и съ вѣрующимъ, но „грѣха къ смерти“ онъ не творить. Если докажешь, что вѣрующій можетъ впасть и въ смертное состояніе и даже погибнуть, тогда тебѣ говорятъ: не вполне увѣровавшій, т. е. некрещенный—да, но крещенный, т. е. дошедшій до твердой вѣры и заявившій ее Церкви,—никогда. Наконецъ, пораженный и на этой позиціи, онъ уходитъ еще глубже въ неувловимое и растяжимое положеніе: если кто изъ вѣрующихъ согрѣшаетъ къ смерти, то этимъ открывается, что онъ таковъ лишь по имени. Последняя мысль общѣе и тоньше ставится такъ: истинно вѣрующій не грѣшитъ, во грѣхи впадаютъ, лишь ослабѣвая въ вѣрѣ. Но путемъ такихъ уступокъ штундо-баптистъ, незамѣтно для себя, приводится къ новому понятію „вѣры“ не какъ теоретическаго убѣжденія въ истинѣ Христіанства, на какомъ понятіи онъ стоялъ раньше, а какъ цѣлаго религіозно-нравственнаго состоянія, вѣры дѣятельной и сердечной, двигающей всей жизнью. Какъ только словамъ „вѣра“ и „вѣрующій“ удастся придать этотъ православный смыслъ, такъ собственно бесѣда по существу кончена, ибо протестантская или штундо-баптистская формула „вѣрующій не грѣшитъ, грѣшитъ оскудѣвающимъ въ вѣрѣ, а гибнетъ теряющій вѣру“—можетъ быть тогда вполне принята съ новымъ православнымъ смысломъ. Однако, есть тутъ опасность, чтобы слушателямъ не показалось, что побѣда осталась за сек-

тантами, ибо переменна смысла въ сектантской формулѣ малосмысленными можетъ остаться незамѣченной. Вожаки сектантовъ могутъ даже намѣренно пользоваться симъ обстоятельствомъ и, разбитые въ бесѣдѣ, потомъ утверждать, что миссіонеръ согласился съ ними. Поэтому, при извѣстномъ составѣ слушателей, можетъ быть лучше начинать бесѣду съ различенія словъ „святой“ и „безгрѣшный“ и затѣмъ „вѣра“ въ теоретическомъ и—въ живомъ смыслѣ. И надо добиться, чтобы оппоненты ясно высказались, въ какомъ смыслѣ они употребляютъ эти слова, твердо и полно выразили свои взгляды. И тогда разбить ихъ коротко и прямо. Конечно, послѣдняя постановка даетъ бесѣду болѣе рѣзкую и возбуждающую упорство возражателей, ибо дѣло идетъ въ открытую, явно и рѣшительно. При первой же методѣ бесѣда выйдетъ скромнѣе и болѣе мирно, ибо возражатель, уходя съ позиціи на позицію, менѣе остро чувствуетъ свое поражение и незамѣтно придетъ къ православному выводу.

Если ставится для бесѣды тема не о святости, а *объ оправданіи*, тотъ-же почти матеріалъ располагается нѣсколько иначе. Приходится общедоступно излагать наше богословское ученіе о субъективной и объективной сторонахъ нашего спасенія. Штундобаптизмъ, стоя на протестантской точкѣ зрѣнія, смѣшиваетъ то и другое и изо всѣхъ мѣстъ Писаній, трактующихъ о совершенномъ Христомъ нашемъ искупленіи и оправданіи, дѣлаетъ выводъ, что каждый изъ насъ и дѣйствительно субъективно спасенъ, очищенъ, освященъ. И трудно бываетъ убѣдить противника, что хотя Христосъ и далъ намъ всѣ средства ко спасенію, и мы со времени крещенія стали на этотъ путь, но что процессъ спасенія—болѣе, чѣмъ одна радостная надежда на Христа, увѣренность (самообольщенная), что Онъ меня спасъ, что нужно еще много личного труда и собственныхъ усилій (при руководствѣ св. Церкви), чтобы помощью Христа дѣйствительно достигнуть чистоты, осуществить данное Имъ въ идеалѣ и потенціи торжество надъ грѣ-

хомъ. „Я увѣровалъ, а вѣрующему обѣщано даромъ, благодатию прощеніе грѣховъ“ (вышне-юридическій актъ!)—твердитъ штундо-баптистъ и приводитъ все то изъ апостольскихъ Писаній, гдѣ, вопреки еврейско-фарисейскимъ и языческимъ тенденціямъ спаслись одними собственными усиліями, раскрывается мысль о спасеніи лишь о Христѣ вѣрою въ Него. И, надо сознаться, на массу, не всегда способную смотрѣть глубже буквы Писаній, сильно дѣйствуетъ это буквально—вышнее сходство многихъ выраженій ап. Павла и св. Іоанна съ штундо-баптистскими тезисами. Если при этомъ попадется собесѣдникъ не изъ совѣтливыхъ, то онъ еще наставитъ въ бесѣду всякихъ софизмовъ, направленныхъ къ тому, чтобы смутить и скомпромитировать миссіонера.

„Такъ ты не увѣренъ, что спасень?“ ставятъ вамъ вопросъ. И стоитъ вамъ простодушно отвѣтить: „Конечно, нѣтъ!“ какъ вамъ съ побѣдной улыбкой подставляютъ: „А читай Римл. 14, 23“. Раскрываете, а тамъ написано: „все, что не по вѣрѣ,— грѣхъ“. Разумѣй: значить-де грѣхъ не вѣрить и своему спасенію Господомъ Христомъ.

Въ бесѣдахъ о *крещеніи младенцевъ* штундо-баптисты стоятъ на крайне индивидуалистической и рационалистической точкѣ зрѣнія: каждый спасается или погибаетъ своею волею, а разъ спасеніе—въ вѣрѣ,—то значить иначе—своею вѣрою или невѣріемъ. Крещеніе—вовсе не таинство, подающее возрождающую благодать Духа Божія, а просто свидѣтельствованіе человѣкомъ предъ церковію своею желаніи идти за Христомъ, даваемое въ моментъ окончательнаго сознанія безповоротности своей вѣры. При такихъ предпосылкахъ крещеніе младенцевъ является, конечно, бессмыслицей. Въ своихъ доказательствахъ штундо-баптистъ любитъ стоять на Мѡ. 28, 19—20, подчеркивая слова „идите *научите*... крестя... *уча* ихъ“... и особенно Мрк. 16, 16: „Кто будетъ *вѣровать* и креститься, спасень будетъ, а кто не будетъ вѣровать, осуждёнъ будетъ; отчасти также—и на Дѣян. 2, 38:

„Покайтесь и да крестится каждый изъ васъ“. Затѣмъ, при неясности у штундо-баптистовъ ученія о первородномъ грѣхѣ, а особенно при ихъ ученіи о святости вѣрующаго, они позволяютъ себѣ утверждать, что младенцы, по крайней мѣрѣ отъ крещенныхъ родителей, святы и безъ крещенія и цитируютъ: 1 Кор. 7, 14 и 1 Иоан. 2, 12, а отчасти и Мѡ. 19, 14. Становясь на модную точку зрѣнія религіозной свободы, штундо-баптисты любятъ горячо и пространно говорить, что каждый долженъ идти ко Христу свободно, а не по обѣту другихъ, что если всякое призваніе, то тѣмъ паче—призваніе въ области вѣры не должно быть рѣшаемо съ иленокъ, помимо воли и сознанія самого субъекта. Любятъ они напирать на православнаго и съ такими вопросами: „Покажи въ Писаніи или ясную заповѣдь крестить младенцевъ или хоть одинъ случай, гдѣ-бы очевидно былъ крещенъ малолѣтній. А такой заповѣди, кромѣ оспоримаго Дѣян. 2, 39 и такого случая, кромѣ малоказательныхъ фактовъ крещенія цѣлыхъ семей (Дѣян. 16, 14—15; 30—34; 1 Кор. 1, 16),—нѣтъ. Если когда, то именно въ бесѣдѣ о крещеніи младенцевъ лучше, не отдаваясь ходу мыслей сектанта, давать бесѣдѣ свой планъ. Логика бесѣды бываетъ такова. Есть наследственный грѣхъ, и потому и дѣти не безгрѣшны. Безъ крещенія нѣтъ очищенія отъ грѣха; значить, есть нужда въ немъ и младенцу. Спасеніе аналогично паденію: Въ немъ есть своего рода наследственность: какъ грѣхи родителей безъ участія воли и свободы дѣтей передаются имъ въ актѣ физическаго рожденія, такъ точно и очищеніе отъ грѣха подается младенцу до его воли и вѣдома, по волѣ родителей и воспріемниковъ во второмъ рожденіи отъ воды и Духа. Какъ примѣръ, сюда должно пойти обрѣзаніе Ветхаго Завѣта, совершавшееся и надъ младенцами: ибо крещеніе для Новаго Зав. есть такой-же актъ вступленія въ завѣтъ, какъ обрѣзаніе—для Ветхаго. Что благодать Божію младенцы принять способны, —это можно доказать на множествѣ примѣровъ. Имѣются

неоспоримыя доказательства и на то, что по вѣрѣ однихъ Господь можетъ подать не только тѣлесное, но и духовное исцѣленіе другому. Въ послѣдней мысли главная сила нашего доказательства.

Вопросъ о *Священномъ Преданіи* одинъ изъ самыхъ боевыхъ въ полемикѣ съ штундо-баптизмомъ. Штундо-баптисты, о чемъ бы ни заговорилъ, требуетъ обоснованія всего на буквѣ Писаній, на которыя смотритъ, какъ на сводъ всего, что необходимо для нашего спасенія. Преданіе, по этому, излишне. Очень часто собесѣдникъ послѣ разъясненія ему догмата сознается, что онъ по существу противъ него ничего не имѣетъ, даже готовъ-бы его признать, еслибы только ему ясно показали его на строкѣ Писаній. Такъ, между прочимъ, обстоитъ дѣло въ вопросѣ объ иконопочитаніи. Штундо-баптисты, за рѣдкими исключеніями, отказались отъ молоканской мысли, что иконы—идолы; но они не находятъ въ Писаніи основаній, вѣрнѣе—точной и прямой заповѣди имѣть иконы. Поэтому, вопросъ о св. Преданіи приходится ставить или какъ предисловіе, или какъ послѣсловіе, ко всякому ряду бесѣдъ, особенно о предметахъ, кои могутъ быть основаны на Писаніи лишь выводнымъ, малоубѣдительнымъ для сектанта способомъ. Доказать необходимость Преданія изъ самого Писанія можно. Жаль только, что количество доказательствъ pro и contra такъ велико, что трудно вопросъ о Преданіи дѣлать необходимымъ добавленіемъ каждой бесѣды. Приспособляясь-же къ сектанту и сляясь во что бы то ни стало все до мелочи доказать изъ одного Писанія, мы создаемъ въ средѣ народа опасное убѣжденіе, что лишь то и правда, что—изъ Писанія; а въ такомъ случаѣ такіе догматы, какъ о св. крестѣ, иконахъ, отчисти—и молитвахъ за умершихъ будутъ всегда висѣть, что называется, на волоскѣ.—Штундо-баптистскія основанія противъ Преданій состоятъ въ ссылкахъ на текстъ, гдѣ говорится 1) о богодохновенности и пользѣ для спасенія Писаній, 2)—о томъ, что

къ Написанному-де запрещено что-либо прибавить, равно какъ и и убавить отъ него (см. Вт. 4, 2; Откр. 22, 18—19); 3) — о ложныхъ преданіяхъ. Опровергнуть первую группу доказательствъ легко, ибо въ высшей степени нелогично отъ пользы одного заключать къ ненужности другого и пользу Писанія превращать въ его исключительную довлѣмость. Что касается текстовъ въ родѣ Вт. 4, 2 или Откр. 22, 18—19, то опровергать ихъ лишь потому трудно, что сектантъ незнакомъ съ исторіей Библии, сморитъ на нее, какъ на одну цѣльную книгу и относитъ къ содержанію вѣры то, что сказано лишь о буквѣ книги. Возраженія третьяго рода устраняются разъясненіемъ того, противъ какихъ ложныхъ преданій вооружался Христосъ и ап. Павелъ. — Положительное ученіе о св. Преданіи упирается въ ученіе о Церкви, какъ столпѣ и утвержденіи истины, гдѣ Господь и Духъ Его охраняютъ до конца вѣковъ непоколебимость и неизсякаемость святой жизни, правильнаго іерархическаго устройства и неповрежденнаго вѣроученія. Ученія о томъ, что Духъ Св. охраняетъ неповрежденность вѣроученія лишь писаннаго, нѣтъ ни въ Ветхомъ, ни въ Новомъ Завѣтахъ. Напротивъ, ясно, что устное слово всюду предшествовало Писанію; а писаное писалось по нуждѣ, за невозможностью поговорить устно, писалось по извѣстному частному поводу, кратко, въ напомниманіе устно проповѣданнаго. Потомъ, собрана и провѣрена церковью (преданіемъ) Библия. Порчѣ и извращенію подвержено одинаково и писанное и словесное преданіе. Надежда у насъ (гарантія) не на бумагу, букву и типографію, а на Духа Божія. А Онъ живетъ и дѣйствуетъ охранительно не въ чернилахъ и книгѣ, а въ сердцахъ вѣрующихъ. Протестантское и сектантское ученіе объ источникахъ вѣроученія очень ужъ грубо: непогрѣшимость въ вѣрѣ изъ живого церковнаго сознанія перенесена на книгу; Духъ, охраняющій истину, мыслится не въ сердцахъ вѣрныхъ, а на строкахъ Библии. Идолопоклонство своего рода!

II. Темами для моихъ бесѣдъ съ *молоканами* служили преимущественно вопросы: объ иконахъ, крестѣ, 23 гл. Маттея, о правѣ проповѣдника жить отъ благовѣствованія, объ употребленіи въ пищу недозволенаго Ветхимъ Закономъ, о водномъ крещеніи, о поклоненіи Богу въ духъ и истинѣ и др.

Большая просвѣщенная молоканская среда считаетъ всю видимость и обрядность въры — характерной чертой Ветхаго Закона, упраздненной съ пришествіемъ Закона Новаго; посему храмы, иконы, кресты, водное крещеніе и т. д. — не нужны. Доказательства иконъ или храмовъ изъ Ветхаго Завета такимъ образомъ отстраняются. Если привести такому молоканину въ доказательство напримѣръ почитанія храма слова изъ 23 гл. Маттея „Кленущійся храмъ кланется имъ и Живущимъ въ немъ“, — это, по нему, слабо, ибо Господь говорилъ о ветхозавѣтномъ храмѣ людямъ ветхозавѣтныхъ понятій, такъ сказать съ точки зрѣнія ветхаго Закона. Скажете ему: „Христосъ училъ въ храмѣ“.

— „Да, во первыхъ въ храмѣ Ветхозавѣтномъ, а во вторыхъ лишь училъ, но не молился“.

„Но ап. Петръ и Іоаннъ (читай книгу Дѣяній) шли въ храмъ въ часъ молитвы девятой“?

— „Шли-то шли, но „идти въ часъ молитвы“ вовсе еще не значить „идти молиться“. Можетъ быть шли учить. А потомъ опять, шли въ храмъ Ветхій“.

Если сослаться на то, что въ храмѣ молился ап. Павелъ, то вамъ отвѣтять, что дѣлалъ то онъ еще по Ветхозавѣтному, совершивъ даже обрядъ очищенія (Дѣян. 21 гл.).

Заговорите о крещеніи. Скажете:

„Христосъ крестился въ водѣ“.

— Да, отвѣтять, но вѣдь Онъ и обрѣзывался: все это намъ не примѣръ, ибо сдѣлано въ исполненіи Ветхозавѣтной правды.

„Но были-же всетаки случаи и послѣ, когда апостолы и ученики крестили въ водѣ, — Филиппъ — евнуха, Петръ — Корнилия“?

— И это все еще по—Ветхому. Вѣдь Павелъ Тимофей—
 ялина даже обрѣзалъ (Дѣян. 16, 3). Это все— „быхъ всемъ вся“.

Беседа съ молоканами этого направленія трудна: что ни покажете вы ему изъ Новаго Завѣта (изъ практики Христа и апостоловъ) обрядоваго, все это будетъ устранено двумя словами: „то—Ветхое“, и вы услышите ссылки на обрѣзаніе Христово, очищеніе Павла, обрѣзаніе Тимофея. Различить-же убѣдительно, для мужиковъ, гдѣ въ Новомъ Завѣтѣ, дѣйствительно, пережитки Ветхаго и поступки во имя миссіонерской приспособляемости, а гдѣ—чисто Новозавѣтное и потому для насъ обязательное,—трудно. Лучше всего съ людьми этого направленія ставить бесѣду не о частности какой (напр. храмъ, иконъ, водѣ въ крещеніи), а вообще о видимости въ Новозавѣтной религіи. Тогда уже выйдутъ неоспоримыми хоть тѣ мѣста Писаній, гдѣ содержится не разсказъ о поступкѣ Христа или апостоловъ, а Ихъ пожеланіе, ученіе, повелѣніе; ибо дѣлали Они сами дѣйствительно и Ветхозавѣтнаго, ни Ихъ и заповѣди—это ужъ во всякомъ случаѣ надо признать новымъ. 1 Тим. 2, 8; Іак. 5, 14 и др. под. должны имѣть въ такой бесѣдѣ силу.

Отношеніе молоканъ къ Ветхому Завету однако въ высшей степени сбивчиво и двусмысленно. Беседеете объ иконахъ и соплѣтесъ на „херувимовъ“. Вамъ мигомъ отвѣтятъ:

„То—Ветхое, покажи изъ Новаго“.

— „Да гдѣ-же иконы запрещены?“ спросите вы, и вамъ тотчасъ прочитаютъ Посланіе Іереміи. Разговоръ идетъ о храмѣ. Вамъ усиленно толкуютъ 9-ю главу посланія къ Евреямъ въ смыслѣ окончательной отмѣны скииніи и всей Ветхой „формалистики“. Но *обзовитесь* только: „зачѣмъ-же вы исполняете Ветхій Моисеевъ обрядовый уставъ о чистой и нечистой пищѣ?“ и вамъ будутъ пространно доказывать, что „Христосъ пришелъ не нарушить Законъ, а исполнить“, и что ни одной іотой его пренебречь нельзя; а затѣмъ вамъ зачитаютъ изъ пр. Ісаіи прещенія на

ядущихъ свинину. И эта сумятица понятій до того вѣлася въ мозги молоканина, что, сколько ни распинаятесъ, онъ не пойметъ своей непослѣдовательности, какъ плохо понимаетъ онъ и тотъ логическій *circulus vitiosus*, въ которомъ вертится въ вопросѣ объ основаніяхъ своего довѣрія къ Писанію при отверженіи Преданія.

Вопросъ о *вознагражденіи пастырей* рѣдко ставится, какъ самостоятельный, но составляетъ насквильную вставку многихъ бесѣдъ съ болѣе грубыми и дерзкими начетчиками. То же надо сказать и о 23 главѣ Матѳея. Вызываешь молоканскаго „попа“ на честную бесѣду въ школу. Онъ не идетъ. Не хочется оставить народъ безъ назиданія и его безъ увѣщанія. Входишь къ нему въ избу, извиняешься на всѣ лады, что-де слышанъ о его любви къ вѣрѣ и знаніи Писаній, и просишь позволенія поговорить. А онъ тебѣ прямо: „Ты что-же, никакъ деньги за это получаешь?“

— Дѣло это, говорю, мнѣ любо; свято оно. А отъ трудовъ и содержаніе получаю.

„Гмъ! содержаніе! А раскрой Дѣяній 18, 1—4. Видишь, какъ Павелъ шесть дней дѣлалъ палатки, а на седьмой училъ въ Синагогѣ“. Я раскрываю ротъ для возраженій; но сектантъ быстро переворачиваетъ Библию. „Постой, постой! А читай 20 гл. 33—35 ст. Что-й-то, видится, апостолу на нужду его служили руки его. Смотри 2 Кор. 11, 7, 12; 1 Кор. 9,—12, 15, 18; 1 Фес. 2,—5, 9“.... И пошла, пошла бесѣда. Выслушавъ весь запасъ аргументовъ, раскроешь Мѳ. 10 гл.; Дѣян. 4, 34; 5, 10; 6 гл. 1 Кор. 9 гл.; Лк. 8, 1—3; Иоан. 12, 6; 13, 29; Филип. 4, 14—18; 2 Кор. 11, 8—9; Дѣян. 27, 3; 2 Фес. 3, 8—9; 1 Тим. 5, 18; 2 Тим. 2, 3—5; Филип. 22 ст. и доведешь собесѣдника до молчанія. А онъ, смотри, смягчится кроткимъ тономъ твоей бесѣды. Тогда можно потолковать и о водномъ крещеніи. А то, бываетъ, заговоришь въ церкви или школь объ іерархіи и распространяешься о томъ, что въ церкви должны быть учителя и руководители. А онъ (собесѣдникъ) на

принципальную точку не становится, а раскроетъ 23 гл. Матѣ. и дуетъ тебѣ, что ваши пастыри противъ Писаній носятъ длинные волосы, широкіе рукава, называются отцами и учителями, когда у насъ одинъ отецъ и учитель—Богъ и Христосъ. Приходится побороть это возраженіе, прежде чѣмъ допрашивать возражателя, есть ли у нихъ облагодѣтельствованное въ рукоположеніи священство и соблюдена ли благодать священства въ непрерывномъ преемственномъ рядѣ рукоположеній.

III. *Съ хлыстами я бесѣдовалъ*: о тайнахъ, и укрывательствѣ; о бракѣ и чадородіи; о пророкахъ и лжепророкахъ; о Божествѣ, безгрѣшности, единократномъ воплощеніи, тѣлесномъ воскресеніи Господа Христа; о лжехристахъ и лжебогородицахъ; о нашемъ тѣлесномъ воскресеніи; о тѣлѣ и духѣ, и гдѣ корень грѣха; о радѣннѣ, пляскахъ, распѣвцахъ; о благодати священства и повиновеніи властямъ духовнымъ; о крещеніи младенцевъ.

Корень хлыстовщины въ пантеистическомъ представленіи о Богѣ и человѣкѣ и дуалистическомъ понятіи о тѣлѣ и духѣ. Богъ—это высшая таинственная сила міра, противоположная матеріи. Христосъ—человѣкъ, наиболѣе одаренный этой силой. Отсюда—можетъ быть много христовъ. А богородица—это всякая, кто родитъ по духу Христа. Слѣдующія (книзу) степені этого наитія—апостолы, пророки, евангелисты, жены муроносицы. Тѣло—корень и источникъ грѣха; душа—чиста. Отсюда уродливый аскетизмъ, гнушеніе бракомъ, экзальтированныя радѣннія, гдѣ яко-бы покоряютъ плоть духу и „сманиваютъ Духа Божія со седьмого неба“. Отсюда мысль, что тѣлу не для чего воскресать. Одинъ очень грамотный хлыстъ, окончившій приходскую школу, говорил мнѣ прямо, что тѣло по смерти „сопрѣтеть“, и жалѣть тутъ не о чемъ; въ рай будемъ безъ тѣлъ,—ни новыхъ намъ не дадутъ, ни прежнія не воскреснутъ. Отсюда скептическое отношеніе къ таинству св. крещенія и особенно младенцевъ; ибо духъ подается—

де лишь за посты и изнуренія плоти. Конечно, не обо всемъ хлысть бесѣдуетъ одинаково открыто. Свободнѣе онъ говорить о пищѣ, о бракѣ; наискрѣтнѣе онъ въ вопросѣ о лжехристахъ и лжебогородицахъ. Многое (въ ученіи хлыстовъ) узнаешь по неосторожнымъ фразамъ разгорячившагося собесѣдника, по при- словіямъ, какія онъ на каждомъ шагу употребляетъ, по случай- но попавшему въ руки ихнему стишку. Но для всякаго, погово- рившаго съ хлыстами 5—10 разъ становится совершенно яснымъ, что это не дурачки и сомнѣвающиеся, какими они прикидаются, а секта съ опредѣленнымъ еретическимъ ученіемъ, организаціей, культомъ. Священное Писаніе для хлыста—небольшой авторитетъ. На вопросъ о богодохновенности и спасительности Слова Божія хлысть съ умѣшкой отвѣчаетъ: „спасаютъ не книги, а иги (под- виги)“. „Христосъ училъ построже, апостолы—уже легче, а вы и вовсе народъ распустили“ сказали мнѣ хлысты въ одномъ мѣстѣ. Любятъ хлысты находить мнимыя противорѣчія въ Писа- ніи, напр. у ап. Павла въ ученіи о пищѣ и бракѣ. Обличеніе своего ученія изъ Книги Правилъ хлысты выслушиваютъ совер- шенно хладнокровно и саркастически спрашиваютъ: „это что за люди такъ писали?“ Однако, если вопросъ поставленъ ребромъ: „ты православный?“ хлысть всегда отвѣчаетъ „да“ и на время перестанетъ возражать противъ соборныхъ канонѣвъ и Свящ. Пи- санія. Благодатнаго пастырскаго дара, даннаго священнику въ рукоположеніи, хлысть за іереемъ не признаетъ и на вопросъ объ этомъ отвѣчаетъ: „Была-бы у нихъ (пастырей) благодать, они умѣли-бы отгадать“, т. е. если бы въ нихъ былъ даръ Духа, они имѣли-бы и даръ прозрѣнія. О своихъ-же стишкамъ хлысть любить говорить: „а вѣдь безъ Духа такъ не сложишь“. Сила хлыстовщины въ таинственности, скрытности. Мы мало ее знаемъ. Бьешь хлыста Писаніемъ, а отъ него, что горохъ отъ стѣны. Читаешь противъ него соборныя правила, впечатлѣнія еще мень- ше. Станешь опровергать его богослужебными книгами, и тутъ

не чувствуется силы. Нѣтъ почвы подъ ногами. Секта не въ-
ражая книжничеству и совопросничеству, а ищущая силы духа
и подвига, но въ нихъ запутавшаяся, самообольщенная. Хлысть
выдаетъ себя за православнаго; но онъ еретикъ горшій, чѣмъ
лѣзущій вамъ въ глаза штундо-баптистъ. Священнику онъ твердитъ
„папаша“, а самъ ни на волосъ его не слушаетъ. Миссіонеру онъ
ласково лепечетъ: „спасибо, спасибо! поучилъ насъ глупыхъ! какъ
говоришь—со веѣмъ согласны!“ а самъ только и думаетъ въ это
время: „какъ-бы ты, врачъ, скорѣе убрался!“ Онъ толкуетъ по
Писаніямъ, но самъ имъ не вѣритъ; ссылается на житія святыхъ
(Алексія, человѣка Божія), но лишь пока они ему на руку. Это
люди противорѣчій. Законный бракъ они считаютъ грѣхомъ; но все
женаты. Грѣхъ прикасаться къ женщинѣ; но въ каждомъ домѣ дву-
спальные постели. Нельзя на женщину взглянуть съ вождельніемъ; но
на радѣніяхъ пляшутъ полунагіе и цѣлуютъ нагое колѣно бого-
родицы. Священники долго живущіе въ хлыстовскихъ приходахъ,
знаютъ за хлыстами много такихъ уродливыхъ грѣховъ, о нихъ
же не лѣтъ есть и глаголати. Акушерки и фельдшера заражен-
ныхъ этой сектой участковъ могли-бы повѣдать много ужаснаго
и поучительнаго. Хлысть свиду смиренникъ, но это просто дис-
циплина: въ душѣ онъ гордецъ изъ гордецовъ. Онъ вѣчно твер-
дитъ о спасеніи, подвигахъ, добродѣтели и даетъ въ ростъ деньги
на 50 и 100 процентовъ, да еще, на всякій случай, и рос-
писку не возвратитъ, якобы утерять. Онъ—постникъ; но въ
запасѣ у него всегда и молоко и яйца, и медъ и варенье, и
квасъ и брага, яблоки соленыя и яблоки моченыя, грибы суше-
ные и грибы маринованные, куличи, пироги и т. д. Онъ богомоль,
но—ни въ одномъ домѣ нѣтъ молитвенника. Онъ подвижникъ;
но у него мельница, ссыпка хлѣба, аренда земли, конскій заводъ;
живетъ онъ куда чище православнаго, ходитъ въ барашковой и
лисей боярѣ, домъ его подъ желѣзомъ; у него наймиты. Своему
хлысты не поустятъ впасть въ бѣдность; случится ему поднасть

суду, они всё тряхнутъ мощною и не пожалѣють тысячъ. Но прохожаго и нищаго они не накормятъ и въ домъ не пустятъ; а попадись имъ въ лапы (денежно) православный, — выпутаешься нищимъ или пойдешь въ хлысты и разбогатѣешь. Прозелитизмъ этой секты больше, чѣмъ какой иной основанъ на деньгахъ. — А какъ они искажаютъ Писанія, какъ они бесѣдуютъ! Въ 1-й главѣ кн. Бытія Господь сказалъ людямъ: „плодитесь и размножайтесь“; а только въ 3-ей содержится разсказъ о грѣхопаденіи. Но послѣ всѣхъ усилій и разъясненій, когда теряешь всякое терпѣніе и суешь ему раскрытую Библию къ носу, онъ всетаки утверждаетъ, что Богъ благословилъ людей множиться уже послѣ грѣха (совокупленія), изгоняя изъ рая и устанавливая имъ законъ, приспособительный къ ихъ новому (грѣшному) состоянію. Конецъ 3-ей главы Ев. Матвея повѣствуетъ о крещеніи Іисуса Христа и сошествіи на Него Св. Духа; а въ слѣдующей 4 главѣ говорится о Его сорокадневномъ постѣ и искушеніяхъ, послѣ крещенія, въ пустынѣ. Но хлысть упорно утверждаетъ, что Духа Христосъ получилъ именно за сорокадневный постъ. Говорите вы о позволительности пить въ мѣру и во время вино. Но на какое мѣсто Писаній не сошлитесь, вино онъ понимаетъ иносказательно то какъ ученіе, то какъ вину и т. п. Христосъ насыщалъ тысячи чудесно умноженнымъ хлѣбомъ и рыбами. Но хлысть и тутъ разумѣетъ пищу духовную. „Бракъ у всѣхъ да будетъ честенъ и ложе непорочно, блудниковъ-же и прелюбодѣевъ судить Богъ“. Приведете вы это мѣсто въ пользу святости брака. Хлысть вамъ поддакиваетъ. Только по его тону и глазамъ чувствуете, что тутъ что-то не такъ. А онъ этотъ стихъ понимаетъ по своему: женись, но пусть ложе твое не знаетъ соединенія съ женою, иначе это будетъ блудъ, судимый Богомъ. „Во избѣжаніе блуда каждый имѣй свою жену“: вотъ, говоритъ хлысть, я и женился, и мы съ женой дали обѣтъ охранять другъ друга отъ блуда (плотского общенія). „Будутъ двое—одна плоть“ говоримъ мы; значитъ позволено совокупленіе

с женою. „Да, говоритъ хлысть, предсказано, что многіе не удержатся, будутъ посягать и стануть оба одной только плотью безъ дха“. Жена спасется чрезъ чадородіе“, читаемъ мы. Хлысть до-
читываетъ нѣсколько дальше: „если пребудеть въ вѣрѣ и любви и святости съ цѣломудріемъ“ и побѣдоносно осматривается: онъ
принимаетъ чадородіе духовно, какъ умноженіе обращенныхъ къ
вѣрѣ, а цѣломудріе, — какъ воздержаніе отъ супружескаго общенія.
Епископъ долженъ быть непороченъ, одной жены мужъ, трезвъ,
цѣломудренъ... дѣтей содержащій въ послушаніи“. Тутъ мы ви-
димъ освященіе семьи и чадородія; а хлысть опять, понимая ду-
хно „дѣтей“ и по-своему „цѣломудріе“ видитъ тутъ подтвер-
женіе своихъ бракорборныхъ взглядовъ. „Всего по двое“ по уче-
но хлыстовъ: двѣ земли, два неба, двѣ воды, два хлѣба и т.
д. т. е. въ каждомъ словѣ хлысть ищетъ два значенія — букваль-
не и духовное. Поэтому бесѣдовать съ нимъ и не попасть впро-
сѣтъ трудно. Вы говорите ему, и онъ соглашается. Но бойтесь,
ли сходствѣ въ словахъ онъ съумѣетъ остаться при своихъ мыс-
лхъ.

„Признаете бракъ?“

— Да.

„Святъ онъ?“

— Да.

„Чадородіе благословенно?“

— Да.

Послѣ ряда такихъ отвѣтовъ вы можете подумать, что со-
бесѣдникъ мыслить о бракѣ право. А онъ подъ словомъ „бракъ“
разумѣлъ тотъ приточный бракъ Христа съ Церковью, на кото-
рой зоветъ насъ Богъ; а подъ „чадородіемъ“ — обращеніе „мір-
скихъ“ въ „постниковъ“. Поэтому бесѣда съ хлыстомъ требуетъ
крайней точности рѣчи. При темѣ о бракѣ приходится въ силу
этого быть почти пиничнымъ. Если для обозначенія супружескаго
апта употребите слова „жить съ женою“, „соединиться съ женою“,

„стать одной плотью“ и т. д.—все это хлысть пойметъ по своему. Даже слово „совокупленіе“ онъ иногда намѣренно понимаетъ въ смыслѣ нравственнаго и бытового (но не плотскаго) соединенія. А самъ онъ обозначаетъ этотъ актъ словами „грѣхъ“, „блудъ“, „нечистота“. Вотъ и бесѣдуй тутъ такъ, чтобы не ввелъ тебя въ неясности и двусмысленности сожженный въ совѣсти собесѣдникъ! И что особенно худо, такъ это то, что этотъ „даръ“ во всемъ разумѣть что-то иное, духовное, каждому слову придавать тенденціозный таинственный смыслъ, вести рѣчь со своимъ хлыстовскимъ смысломъ, но въ нашихъ обычныхъ терминахъ,—вся эта безсовѣстность считается у хлыстовъ признакомъ „духовности“ чловѣка, озаренія его духомъ. Духовный-де обо всемъ судить духовно. Поэтому, если въ этой недостойной игрѣ словъ миссіонеръ оказался побѣжденнымъ, т. е. обойденнымъ, обманутымъ, а выигралъ хлысть,—это уже роняетъ въ глазахъ хлыстовъ перваго, какъ „мірскаго“ и „судящаго обо всемъ по плоти и буквѣ“, а того возвышаетъ, какъ „духовнаго“, судящаго обо всемъ глубоко, водимаго духомъ, ведущаго тайны. „Писаніе писано отъ Духа, и глубины его разумѣть лишь тотъ, въ комъ есть Духъ“ говорятъ хлысты по поводу всѣхъ нашихъ буквальныхъ и простыхъ толкованій. А наитіе Духа они разумѣютъ по своему.

В. П. Базаряниновъ.

Новый знаменательный Памятникъ Богоугодной жизни Преподобнаго Серафима.

Со времени прославленія св. Церковію Преподобнаго Серафима всѣ предметы, бывшіе у него при жизни въ употребленіи, получили для христіанъ православныхъ не просто лишь исто-

рическое, но глубоко-поучительное и въ нѣкоторомъ смыслѣ священное даже значеніе. Къ сожалѣнію, памятниковъ этихъ не много. Они собраны по преимуществу въ Женскомъ Дивѣевскомъ монастырѣ, Нажегородской губерніи; нѣсколько менѣе ихъ въ Саровской Пустыни и еще менѣе въ монастырѣ Понетаевскомъ. — Тѣмъ драгоценнѣе всякія сообщенія объ этихъ памятникахъ изъ другихъ мѣстъ. Къ числу такихъ памятниковъ слѣдуетъ отнести хранящіеся въ Знаменско-Сухотинскомъ женскомъ монастырѣ, Тамбовской губерніи, *жельзные вериги*, врученныя старцемъ Серафимомъ первой настоятельницѣ сей обители, Игуменіи Дорооеѣ.

Вериги эти тѣсно связаны какъ съ личностью самой Игуменіи Дорооеи, такъ равно и съ первоначальнымъ возникновеніемъ Знаменско-Сухотинскаго монастыря. Въ виду сего и сообщеніе объ этихъ веригахъ необходимо предварить достойной характеристикой Игуменіи Дорооеи и исторической справкой о первыхъ моментахъ этой обители.

Начало Знаменско-Сухотинскаго монастыря восходитъ къ 1849 году, когда учрежденная на мѣстѣ чинѣшняго монастыря ¹⁾ на средства Майора Петра Гавриловича Сухотина ²⁾ и супруги его Варвары Александровны богадѣльня, согласно ихъ давнему общему завѣтному желанію, по указу Св. Синода отъ 28 Сентября 1849 года, обращена была въ женскій общежительный монастырь ³⁾. Многихъ трудовъ стоило тогдашнему Епископу Тамбовскому Николаю избраніе начальницы для вновь учрежденнаго монастыря. Изъ указанныхъ благочиннымъ монастырей Тамбовской епархіи, Архимандритомъ Иннокентіемъ ста-

¹⁾ Въ селѣ Сухотицѣ, на невысокомъ холмѣ побережья рѣчки Нару-Тамбовъ, въ 30 верстахъ къ югу отъ города Тамбова.

²⁾ Скончался 30 Октября 1818 года, не доживъ до исполненія своихъ завѣтныхъ желаній.

³⁾ Историческія свѣдѣнія заимствуются изъ брошюры: „Историко-статистическое описаніе Богородице-Знаменскаго Сухотинскаго монастыря“. М. П. Кадомскаго. 1864. Тамбовъ.

риць—монахинь, достойныхъ управлять монастыремъ, ни одна не согласилась принять на себя этой должности, ссылаясь на преклонность лѣтъ, слабость здоровья и на недостатокъ силъ къ понесенію трудовъ при устроеніи добраго порядка въ новоучрежденномъ монастырѣ. Вслѣдствіе сего и по желанію учредительницы монастыря, преосвященный Николай обратился къ Нижегородскому архіепископу Іакову, прежде бывшему епископу Саратовскому, съ просьбой, чтобы онъ благоволилъ избрать изъ числа сестеръ женскихъ монастырей ввѣренной ему епархіи одну монахиню способную и, по своимъ качествамъ, достойную занять должность начальницы Богородицкаго Знаменскаго Сухотинскаго монастыря. Жребій палъ на одну изъ сестеръ Нижегородскаго Крестовоздвиженскаго Дѣвичьяго монастыря, монахиню Дорошею, по указанію начальницы этого монастыря. Долго не рѣшалась она принять на себя эту трудную, безпокойную, исполненную многихъ заботъ и скорбей душевныхъ должность; пламенно и усердно молилась она Царицѣ Небесной, чтобы Она Сама внушила ей рѣшимость дать слово согласія или несогласія на принятіе предлагаемой ей должности, вспомнивъ слова Саровскаго подвижника, прозорливаго старца Серафима, сказанныя ей еще въ молодости и не однажды повторенныя: „*иди, послужи барынь, да берегъ-то укрѣпи, берегъ*“... она рѣшилась принять на себя должность начальницы Сухотинскаго монастыря. Значеніе словъ старца было для нея прежде непонятно; правда, понимала она ихъ, но понимала по своему—подъ барыней разумѣла Царицу Небесную и старалась служить Ей по мѣрѣ своихъ силъ и крайняго разумѣнія; а теперь, въ избраніи своемъ на должность начальницы монастыря, учрежденнаго госпожею Сухотиною, она видѣла буквальное исполненіе первой половины словъ старца, хотя другая ихъ половина все еще оставалась для нея непонятною. Такимъ образомъ, видя въ избраніи своемъ на должность начальницы дѣйствіе промысла Божественнаго, она рѣшилась при-

нять ее на себя съ полною готовностію на все труды и лишенія, на все скорби и огорченія.

1 числа февраля 1850 года простилась монахиня Дорооенъ съ начальницею и сестрами Крестовоздвиженскаго монастыря, въ кругу которыхъ она болѣе 25 лѣтъ провела такъ тихо и покойно, а съ 14 февраля фактически вступила уже въ исполненіе своихъ новыхъ обязанностей по благоустроенію Сухотинской обители.

Чтобы правильно понять особенное вниманіе Преподобнаго Серафима къ первой начальницѣ Сухотинскаго монастыря, а равно достойно оцѣнить и ея глубокое довѣріе къ пророческому предсказанію старца Серафима, поучительно вспомнить здѣсь первые юношескіе порывы игуменіи Дорооенъ къ иноческому житію, освященные также молитвеннымъ благословеніемъ Богомудраго старца.

Нѣжная юность будущей игуменіи Дорооенъ развивалась исключительно въ выпренихъ впечатлѣніяхъ, въ думахъ высокихъ и въ любви, тоскующей по небеснымъ радостямъ и жизни иноческой. Вѣра Егоровна Кудрявцева (такъ звали въ мірѣ игуменію Дорооенъ) и старшая, родная по матери сестра ея Софья Романовна пользовались особеннымъ расположеніемъ благодѣтеля своего генерала Т. Генералъ Т., видя безвыходно-бѣдное положеніе малютокъ сиротъ и замѣтивъ въ нихъ способность къ пѣнію, взялъ ихъ къ себѣ въ домъ и воспитывалъ, какъ родныхъ дѣтей. Рано, еще въ юношескомъ возрастѣ, развилась въ нихъ способность къ пѣнію, особенно подъ акомпаниментъ фортеціано. Все посвящавшіе домъ Т. осыпали ихъ ласками, лелѣли ихъ за ихъ трогательное пѣніе и скромность. Но сердца ихъ, по мѣрѣ развитія силъ физическихъ и духовныхъ, при всемъ этомъ, стали наполняться неизъяснимымъ для нихъ чувствомъ тайной тоски и пренебреженія ко всемъ радостямъ жизни мірской. При всехъ удовольствіяхъ жизни, среди живительныхъ и сладкихъ надеждъ

будущаго, они страдали тайнымъ горемъ о спасеніи душъ; только и было для нихъ утѣшенія, что онѣ могли довѣрять другъ другу свои томленія и могли взаимнымъ сочувствіемъ улаждать свою страдальческую тоску. Мысль, что ради временныхъ наслажденій жизни онѣ могутъ потерять радости царствія небеснаго, до того тревожила ихъ обѣихъ, что онѣ въ самый расцвѣтъ жизни отказались отъ ея суетныхъ наслажденій и, среди полныхъ видовъ и надеждъ на земное счастье, рѣшились тайно убѣжать изъ—подъ крова своего благодѣтеля и скрыться въ какомъ—либо монастырѣ. Богъ видѣлъ чистоту ихъ намѣреній и Самъ благопоспѣшилъ исполненію ихъ, проведши впрочемъ ихъ чрезъ искушенія.

Горько выслушалъ вѣсть о своихъ возлюбленныхъ питомцахъ генералъ Т.; сердце его билось и кипѣло негодованіемъ при дошедшей до него вѣсти, что онѣ рѣшились принять на себя иноческій видъ. Въ первомъ порывѣ гнѣва генералъ Т. отправилъ за ними гонцовъ, чтобы поймать и привести ихъ къ нему. Не шли, а бѣжали онѣ въ неизвѣстный имъ путь и по непривычкѣ къ путешествію скоро утомились до того, что Софья стала падать и не могла идти далѣе. Верстахъ въ тридцати отъ дома своего благодѣтеля онѣ рѣшились ночевать и только что вошли въ стоявшую посреди густаго сада келлію, жилище двухъ дѣвицъ, посвятившихъ себя на служеніе Богу—какъ посланные явились въ селеніе, спрашивая о нихъ со двора на дворъ. Одна только темнота ночная могла укрыть ихъ отъ поисковъ преслѣдователей.

Въ трепетѣ и смущеніи отъ страха и неизвѣстности своей будущей участи, онѣ направили путь свой къ Саровскому старцу Серафиму, чтобы у него испросить совѣта, благословенія и наставленія, гдѣ и какъ посвятить себя первымъ опытамъ иночества. Старецъ благословилъ ихъ намѣреніе и совѣтовалъ имъ отправиться къ начальницѣ Нижегородскаго монастыря, игуменіи

Дорогеевъ Михайловной, сказавъ имъ: „она устроитъ вашу участь“. Прибывъ въ назначенный имъ старцемъ монастырь, онѣ явились къ начальницѣ и высказали ей свое душевное желаніе, а вмѣстѣ и тѣ препятствія, которыя затрудняютъ исполненіе ихъ намѣренія,—онѣ не имѣли никакихъ актовъ на свободное прожитіе, а тѣмъ менѣе на поступленіе въ монастырь. Игуменія обласкала ихъ, дѣла имъ успокоиться и отдохнуть, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, отъ трудовъ, понесенныхъ ими въ пути; но, опасаясь гнѣва генерала Т., объявила имъ, что она не можетъ держать ихъ въ монастырѣ, по неимѣнію видовъ. Горько отозвались въ сердцахъ юныхъ Вѣры и Софіи слова начальницы и вызвали у нихъ ручьи самыхъ горькихъ слезъ. игуменія, видя ихъ сильное желаніе посвятить себя жизни иноческой, рѣшилась устроить ихъ судьбу и отправила ихъ въ Москву къ графинѣ Орловой съ письмомъ, въ которомъ просила ее принять въ нихъ участіе. Графиня, живо сочувствуя ихъ горю, писала къ генералу Т., съ которымъ она была знакома лично, и убѣждала его отпустить дѣвицъ Вѣру и Софью и выслать ей въ Москву увольнительные для нихъ виды. „Во имя Бога, желающаго спасенія всѣмъ и каждому изъ насъ, умоляю тебя“, писала она, „уважь отечески мою просьбу и исполни ее“. Генералъ Т., получивъ это письмо, сначала было взволновался отъ гнѣва и не хотѣлъ дать увольнительныхъ видовъ своимъ любимцамъ; но потомъ, пришедши въ себя, особенно внявъ усиленной просьбѣ графини, рѣшился уволить ихъ и выдать увольнительные акты. Препровождая эти бумаги къ графинѣ Орловой, онъ писалъ ей: „жаль мнѣ ихъ, жаль какъ искусныхъ пѣвицъ! но если онѣ уже рѣшились посвятить себя Богу, дѣлать нечего! спасеніе души дороже всего; пусть молятся онѣ о спасеніи моей грѣшной души“.

Получивъ увольнительные виды для Вѣры и Софіи, графиня, наградивъ ихъ щедро всѣмъ нужнымъ для жизни ино-

ческой, отравила ихъ въ своемъ экипажѣ къ игуменіи Дороевѣ въ Нижегородскій Крестовоздвиженскій монастырь. Игуменія Дороева приняла ихъ, какъ уже знакомыхъ, ласково, облекла въ черное одѣяніе и назначила Вѣрѣ послушаніе на клиросѣ, а Софьѣ—по больницѣ; но приуказить ихъ не спѣшила въ той мысли, что, можетъ быть, воспоминанія о прежней свѣтлой жизни въ мірѣ живо воскреснуть въ ихъ душахъ и возбуждать сожалѣніе о ней, а можетъ быть—и рѣшимость оставить монастырь. Но жизнь иноческая всецѣло увлекла ихъ въ свои объятія, а монастырь освѣтилъ въ юныхъ душахъ путь жизненный отрадными надеждами на достиженіе чрезъ него вѣчныхъ обителей небеснаго царствія, и молодяя подвижницы твердо рѣшились посвятить себя первымъ строгимъ опытамъ иночества въ монастырѣ Крестовоздвиженскомъ. Когда и игуменья съ своей стороны, въ продолженіе пятилѣтняго искуса, увѣрилась, что мірѣ болѣе не плѣняетъ ихъ и все мірское оставлено ими внѣ стѣнъ монастыря, рѣшилась принять ихъ въ монастырь совершенно, или, выражаясь языкомъ монастырскимъ, приуказить ихъ. Это было 10 февраля 1825 года. Сначала жизнь ихъ въ монастырѣ текла тихо и спокойно; радость и горе, грусть и уныніе—все дѣлилось дружескимъ сердцемъ пополамъ. Но старшую сестру, Софію Господу угодно было вскорѣ призвать къ Себѣ. Оставшись одна, Вѣра всю свою любовь, все свои мысли устремила къ Богу и усердно занималась исполненіемъ возложеннаго на нее послушанія. 17 іюня 1834 года она пострижена была въ монашество и наречена именемъ игуменіи—*Дороеей*. Игуменія любила Вѣру какъ родную сестру за ея кротость и вниманіе къ точному и безпрекословному исполненію возлагаемыхъ на нее послушаній, руководила ее въ жизни духовной своими совѣтами и наставленіями и въ знакъ своей любви къ ней нарекла ей ч свое собственное имя.

14 марта 1850 года монахиня Дороея официально уже определена была начальницею Богородице Знаменскаго Сухотинскаго монастыря, а 20 генваря 1852 года за выдающіеся труды по управленію монастыремъ возведена въ санъ игуменіи.

Въ званіи начальницы Сухотинскаго монастыря игуменія Дороея, созидаая и улучшая постепенно обитель съ вѣшной стороны, все вниманіе свое, все усердіе сосредоточила на устроеніи внутренней, духовной жизни монашествующихъ и на упроченіи добрыхъ порядковъ обители. Всѣмъ сестрамъ назначила особыя послушанія, соотвѣтственно ихъ силамъ и способностямъ и строго наблюдала за выполненіемъ ихъ; неисправнымъ дѣлала кроткія вразумленія и наставленія. Особенно строго слѣдила она за выполненіемъ послушаній по церкви, отчего и нынѣ поддерживается, какъ нѣкоторая традиція добраго стараго времени, удивительная чистота и порядокъ въ обители. Какъ опытная въ пѣніи, почти всю жизнь проведенная на клиросѣ, начальница Дороея, избравъ изъ сестеръ способныхъ къ пѣнію и назначивъ имъ одно послушаніе на клиросѣ, сама постоянно, около трехъ лѣтъ, обучала клирошанокъ церковному уставу и нотному пѣнію.

23 іюня, въ день Владимірской Иконы Божіей Матери, по совершеніи литургии и молебнаго пѣнія Царицѣ Небесной съ водоосвященіемъ, открыта ею общая для всѣхъ сестеръ трапеза и больница; съ сего же времени установлено ею общее утреннее и вечернее правило по примѣру Нижегородскаго Крестовоздвиженскаго дѣвичьяго монастыря. Почти около этого же времени, осматривая зданія и мѣстоположенія монастырскія, начальница замѣтила, что берегъ рѣки Нару—Тамбова, на которомъ расположенъ монастырь, подмываемый прибоемъ волнъ, особенно во время разлива, сильно осыпается и угрожаетъ разрушеніемъ монастырской оградѣ, а затѣмъ и главному корпусу. Это возбудило въ душѣ ея настоятельную заботу—какъ можно скорѣе укрѣпить размываемый берегъ, и здѣсь-то она вспомнила и вполне поняла буквально уже зна-

чение словъ старца Серафима: „бегережь-то укрѣпи, бережь“... Однако, по неимѣнію средствъ она откладывала исполненіе этого дѣла до болѣе благопріятнаго времени; и лишь въ 1858 году Господь судилъ ей укрѣпить и бережь, состояніе котораго такъ тяготило ея душу. Исполненіе этого дѣла по совѣту старца Серафима считала она для себя священной обязанностію; и чрезвычайно была рада, чрезвычайно радовались и всѣ сестры, когда устроена была плотина у подошвы берега вдоль всей усадьбы монастырской и обсажена деревьями. Съ тѣхъ поръ бережь рѣки Нару—Тамбова пересталъ обваливаться, покрылся травой; миновалась и опасность для стѣны монастырской и главнаго корпуса.

Такъ исполнилось съ поразительной точностію предсказаніе Преподобнаго Серафима, данное имъ почти за 30 лѣтъ ⁴⁾ до самыхъ событій молодой послушницѣ Крестовоздвиженскаго монастыря, впоследствии—игуменіи Дороеѣ. Вещественнымъ памятникомъ того пророческаго благословенія игуменіи Дороеѣ принесла съ собою въ новоустроаемую обитель желѣзныя вериги и власяницу, въ то давнее время ею полученныя отъ Преподобнаго Серафима. Тщательно сохраняемыя въ особомъ деревянномъ сундучкѣ, вериги эти послѣ смерти игуменіи Дороеѣ преемственно переходили отъ одной къ другой къ послѣдующимъ настоятельницамъ монастыря, оставаясь въ игуменскихъ покояхъ; а власяница, по свидѣтельству сестеръ Сухотинской обители, бывшихъ при погребеніи игуменіи Дороеѣ, въ 1870 году положена была, согласно ея словесному завѣщанію, вмѣстѣ съ нею во гробъ.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1903 года настоятельница Сухотинскаго монастыря игуменіи Анфиса рапортомъ доносила Преосвященнѣйшему Иннокентію, Епископу Тамбовскому и Шацкому, о хранящихся въ ея келліи желѣзныхъ веригахъ, связанныхъ въ преда-

⁴⁾ Исполненіе пророчества относится къ 1858 году. Пророчество высказано въ бытность игуменіи Дороеѣ рясофорной послушницей, а рясофоромъ покрыта она 25 Марта 1830 года.

ни обители съ именемъ Преподобнаго Серафима, причеъ просила себѣ указаній, какъ относиться къ нимъ въ виду совершившагося прославленія Преподобнаго Серафима, и приводила въ своемъ рапортѣ цѣлый рядъ свидѣтельствъ подлинной принадлежности этихъ веригъ Преподобному Серафиму. Произведеннымъ по сему дѣлу официальнымъ разслѣдованіемъ установлено, что отъ временъ игуменіи Дороѳеи хранятся въ Знаменско-Сухотинскомъ монастырѣ вериги желѣзныя, вѣсомъ 3 ф. и 45 золотниковъ, по расположенію частей—въ формѣ монашескаго парамана. При нихъ два креста; передній—съ изображеніемъ распятія Христа Спасителя и задній—съ изображеніемъ Св. Архангела Михаила. Звеньевъ боковыхъ восемь, по четыре на каждой сторонѣ, и шейныхъ, входящихъ на спину, также восемь, и еще на самой спинѣ четыре звена. Спинныя звенья перехвачены цѣпью въ десять колець. Величина крестовъ—въ высоту $2\frac{1}{4}$ вершка, въ ширину— $1\frac{3}{4}$ вер. Величина звеньевъ: грудныхъ 3 вер., плечевыхъ—2 вер. и спинныхъ— $3\frac{1}{4}$ вер. На бокахъ захватываются вериги крючками за желѣзныя пластинки съ тремя отверстіями у каждой. Всѣ части веригъ и крашенныя изображенія на крестахъ носятъ на себѣ отпечагокъ грубой, неискусной работы.

Въ числѣ монахинь Знаменско-Сухотинскаго монастыря, въ нынѣшнемъ ихъ составѣ, значится немало такихъ, которыя были современницами игуменіи Дороѳеи и стояли къ ней особенно близко по исполненію различныхъ своихъ послушаній; одна же изъ нихъ, нынѣ 92—лѣтняя старица, въ теченіе 8 лѣтъ была послушницей при ней еще въ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ. Она свидѣтельствуеъ, что въ келліи монахини Дороѳеи она тогда еще много разъ видѣла въ сундучкѣ тѣ самыя вериги, которыя нынѣ хранятся въ Сухотинскомъ монастырѣ, и бѣлую власяницу, положенную во гробъ вмѣстѣ съ игуменіей Дороѳеей. Она часто видѣла, что и вериги, и власяницу, по распоряженію игуменіи Дороѳеи, возлагали по временамъ на больныхъ сестеръ или на впавшихъ въ какое-л. искушеніе, и тѣ чувствовали послѣ

того замѣтное облегченіе. Относительно же келейныхъ посѣщеній старца Серафима рассказывала она, со словъ самой игуменіи Дороеи, что въ одно изъ нихъ старецъ Серафимъ насыпалъ въ мѣшокъ картофель и велѣлъ поднять монахинѣ Дороеѣ и понести его. Когда она это сдѣлала, старецъ сказалъ: „ты можешь понести... устрой у себя богадѣльню; пусть тамъ прядуть и влзуть; а если не смогутъ, пусть въ церковь ходятъ; барыню—то уважай и берегь укрѣпи!“ О старцѣ Серафимѣ монахиня Дороея отзывалась, по ея словамъ, съ необыкновеннымъ восторгомъ и съ слезами глубокаго умиленія.

Прочія монахини, современницы игуменіи Дороеи, въ количествѣ девяти, единодушно свидѣтельствуютъ, что слышали отъ нея самой о двукратномъ посѣщеніи ею Преподобнаго Серафима, въ первый разъ юною дѣвицей до поступления въ Крестовоздвиженскій монастырь и во второй—ужъ въ званіи рясофорной послушницы Крестовоздвиженскаго монастыря. Въ одно изъ этихъ посѣщеній старецъ Серафимъ предсказалъ ей, по ихъ словамъ, о большихъ предстоящихъ трудахъ при устройеніи монастыря и благословилъ ее на эти труды веригами и власяницей. Вериги потомъ келейницы видѣли то въ сундучкѣ, то часто на самой игуменіи Дороеѣ,—она ихъ возлагала на себя, по ея словамъ, для исцѣленія своихъ недуговъ. Сундучекъ съ веригами игуменіи Дороея, по свидѣтельству ближайшихъ сестеръ монастыря, называла своимъ „сокровищемъ“, „драгоценностью“ и даже „святынею“,—въ немъ „вещи“, говорила она, „батюшки о. Серафима“. Когда она уѣзжала изъ монастыря, то приказывала увозить съ собою и сундучекъ, или же запирала его въ другой большой сундукъ.

Между келейницами Сухотинскаго монастыря, близкими къ игуменіи Дороеѣ, былъ общій разговоръ объ этихъ веригахъ.

Такимъ образомъ, относительно полученія монахиней Дороеей веригъ отъ Преподобнаго Серафима имѣется цѣлый рядъ самыхъ близкихъ къ дѣлу и самыхъ достовѣрныхъ свидѣтелей.

Со стороны же самой игуменіи Дороеи здѣсь не могло быть никакого подмѣна, ни объявленія обыкновенныхъ веригъ за вериги Преподобнаго Серафима, ибо этому противорѣчило бы глубокое уваженіе и даже благоговѣніе игуменіи Дороеи къ этимъ веригамъ, замѣчаемая по временамъ отъ нихъ благодатныя знаменія, но болѣе всего высокій нравственно-религіозный характеръ игуменіи Дороеи, отличавшейся, по отзыву современниковъ, строгостію своего благочестія. Смѣшеніе здѣсь является неумѣстнымъ и потому, что въ Сухотинской обители показываются еще и другія вериги; но мѣстное преданіе отличаетъ ихъ ясно и опредѣленно отъ тѣхъ веригъ, врученныхъ игуменіи Дороеѣ, по отношенію къ обоимъ веригамъ, видимо, соблюдая полную историческую правдивость. Эти вторыя вериги по мѣстнымъ разсказамъ считаются принадлежащими монахинямъ Сухотинскаго монастыря то Теофаніи, то Поликсеніи, то другой Дороеѣ и по своему устройству не имѣютъ ничего общаго съ веригами или крестами, которые усвояются въ нѣкоторыхъ жизнеописаніяхъ Преподобному Серафиму.

Когда въ частности, какимъ образомъ и при какихъ именно обстоятельствахъ вручилъ Преподобный игуменіи Дороеѣ вериги, никому неизвѣстно: это глубокая тайна благочестивой души юной подвижницы Дороеи. Конечно, по этой причинѣ и сама она сначала молча и сокровенно хранила у себя драгоценный сей даръ, и только когда уже невозможно было далѣе хранить эту тайну, такъ какъ окружающіе стали замѣчать у ней эти вериги, она нѣкоторымъ наиболѣе приближеннымъ и довѣреннымъ сестрамъ открыла, что эти вериги получены ею отъ Саровскаго подвижника — Серафима.

Какъ могъ вручить Преподобный Серафимъ будущей игуменіи Дороеѣ вериги, когда, по свидѣтельству жизнеописаній, самъ не носилъ ни веригъ, ни власяницы и другимъ не совѣтовалъ возлагать ихъ на себя (Жит. Старц. Сераф., изд. Саров. Пуст., 5-е исправл. и дополн. 1901 г. Стр. 67)? Но изъ сказаній о

Преподобномъ Серафимѣ видно, что онъ отнюдь не отрицалъ высокаго значенія подвижническихъ веригъ вообще и по самому ихъ существу, а только считалъ ихъ приличествующими болѣе „мужамъ мудрымъ и совершеннымъ“, „изъ любви Божіей для совершеннаго умерщвленія плоти и страстей и для покоренія ихъ духу“, опасными же для „младенцевъ“ въ духовномъ смыслѣ, „не имѣющихъ никакого фундамента къ монашеской жизни“ (Жит., изд. Саров. пуст. стр. 67—68). Что удивительнаго, если Богомудрый старецъ Серафимъ, вручая вериги юной послушницѣ Дорооеѣ, пророчески прозрѣвалъ уже въ ней твердый „фундаментъ къ монашеской жизни“? Онъ предрекъ ей будущую судьбу по отношенію къ Сухотинской обители. Не могли ли при этомъ вериги и власняницы имѣть для будущей игуменіи Дорооеи символическое значеніе? Подобные символы въ дѣяніяхъ старца Серафима были нерѣдки. Такъ, онъ вручаетъ напр. дѣвицѣ Наталіи Богдановой спитую изъ полотна шапочку, которую Богданова хранила затѣмъ какъ неоцѣненный даръ и никому о немъ не рѣшилась открыть (Жит., изд. Саров. пуст., стр. 185); одной изъ своихъ посѣтительницъ, впослѣдствіи игуменіи монастыря въ гор. Слободскѣ Вятской губерніи, съ двумя ея спутницами посылаетъ три разнаго вида палочки (стр. 163—164); посѣтительницѣ изъ гор. Кадома даетъ пучекъ спичекъ (стр. 186). Такое пророческое значеніе могло имѣть и врученіе веригъ рясофорной послушницѣ Дорооеѣ.

Гдѣ могъ, наконецъ, взять Преподобный вериги, когда самъ не носилъ ихъ? Конечно, это есть тайна глубокой Затворнической жизни Богомудраго Старца, такъ какъ, по отзыву одного изъ ближайшихъ его сомолитвенниковъ, игумена Іоасафа, въ схимѣ Серафима, „никто не можетъ описать внутренней жизни Отца Серафима въ затворѣ, потому что самъ онъ тщательно скрывалъ ее отъ славы человѣческой“ (Сказан. о подвиг. и событ.

жизни Стар. Сераф. СПб. 1877 г. Изд. 3-е. Стр. 46). Однако тотъ же игумень Іоасафъ, бывшій самымъ близкимъ челоѣкомъ къ Преподобному Отцу Серафиму по частымъ посѣщеніямъ его и собесѣдованіямъ, сообщаетъ, что, по свидѣтельству нѣкоторыхъ лицъ (онъ ихъ не называетъ) Отецъ Серафимъ носилъ во время затвора желѣзный поясъ и вериги (тамъ же, стр. 60), и на стѣлѣ келліи Отца Серафима, по его извѣстію, дѣйствительно всегда висѣли желѣзныя вериги, хотя при этотъ игумень Іоасафъ и добавляетъ, что не слыхалъ отъ него, чтобы онъ носилъ ихъ когда-н. (Стр. 62). Есть и другія вполне достовѣрныя извѣстія, указывающія на присутствіе у Отца Серафима веригъ, которыя впоследствии и могли сдѣлаться достояніемъ людей, близкихъ къ нему по характеру духовной жизни. Такъ, въ жизнеописаніи его (5-е исправ. и дополн. изд. Саров. Пуст. 1901 г., стр. 82) приведенъ разсказъ одной благочестивой посѣтительницы его: „взявъ мою руку, онъ положилъ ее къ себѣ на плечо и, давъ осязать бывшій на немъ большой желѣзный Крестъ, сказалъ: „вотъ, дочь моя, сперва мнѣ было тяжело носить это, но нынѣ весьма пріятно. Спѣши же теперь и помни мою тяжесть. Прощай!“ Далѣе разсказывается, что одному семейному посѣтителю, избравшему путь странничества и ношенія подвижническихъ веригъ, Старецъ Серафимъ велѣлъ снять вериги и возвратиться въ свой домъ (Тамъ же, стр. 160). Унесъ ли съ собою странникъ эти вериги, или же, снявши съ себя, оставилъ ихъ у Преподобнаго Серафима, жизнеописаніе умалчиваетъ. Но представляется болѣе правдоподобнымъ, что Старецъ Серафимъ, дабы отнять у странника всякій поводъ къ дальнѣйшему увлеченію неразумнымъ подвигомъ, оставилъ ихъ у себя.

При всѣхъ этихъ извѣстіяхъ, глубоко преданная чудному и прозорливому старцу любознательность невольно вопрошаетъ: куда исчезли всѣ эти памятники его таинственной, Богомудрой жизни? Кто былъ избранъ отъ Бога, чтобы принять и сохранить ихъ въ поучительное назиданіе потомству? И не въ нихъ ли слѣдуетъ искать разрѣшенія и тайны веригъ благочестивой Знаменско-Сухотицкой игуменіи Дорошеи?

Во всякомъ же случаѣ, гдѣ бы ни находились теперь эти памятники и кому бы они въ настоящее время ни принадлежали, для насъ важно то, что вериги игуменіи Дорошеи тѣсно связаны съ дивнымъ пророчествомъ Преподобнаго Серафима, освящены пребываніемъ въ его духовной молитвенной атмосферѣ, а быть можетъ, запечатлѣны были, при таинственности его жизни, и личнымъ употребленіемъ.

Проникаясь уваженіемъ къ этому таинственному памятнику, Св. Синодъ своимъ Указомъ отъ 2 Сентября 1904 года за № 8452 на имя Преосвященнѣйшаго Иннокентія, Епископа Тамбовскаго и Шацкаго, благоволилъ предписать отселѣ хранить эти вериги не въ покояхъ настоятельницъ Сухотинской обители, а въ монастырской ризницѣ, какъ предметъ „благоговѣйнаго воспоминанія о Преподобномъ Серафимѣ.“

Настоятель Тамбовско-Богородичной церкви

Протоіерей *Петръ Успенскій.*

О В Ъ Я В Л Е Н І Е.

ФАБРИКА
ИКОНОСТАСОВЪ, СТОЛЯРНЫХЪ, РѢЗНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
и ПОЗОЛОТА ПО ДЕРЕВУ
Сергѣя Андреевича
СОКОЛОВА
сущ. съ 1841 г.

ПРИНИМАЕТЪ и ИСПОЛНЯЕТЪ ЗАКАЗЫ:
по устройству рѣзныхъ и золоченыхъ
иконостасовъ изъ различныхъ деревъ и позолота по дереву, исполненіе
художествен. и живописн. иконъ и стѣнной живописи съ уборкою
Заказы исполняются во всѣхъ городахъ и селахъ Россійск. Имперіи.

МОСКВА,
Грузины, Средній Тишинскій перулокъ, собств. домъ № 3.



СО Д Е Р Ж А Н І Е. Отдѣлъ неофициальный. I. Въ чемъ причина взаимной разобщенности между современнымъ священникомъ и его паствою. II. Обзоръніе посланій св. Апостола Павла. (Продолженіе). III. Изъ отчета Тамб. Епарх. противосектантскаго Мис. IV. Новый знаменат. Памятникъ Богоугодной жизни Преп. Серафима. V. Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи **Архимандритъ Теодоръ.**

Цензоръ, Протоіерей **Петръ Успенскій.**